

КІ 1106040

 С. Чукін
стихи

СЕРГЕЙ
ЧУХИН

ПРИДОРОЖНЫЕ
КАМНИ

Стихи

АРХАНГЕЛЬСК
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

Составитель и автор предисловия
Виктор Коротаев

Чухин С. В.

Ч-95 Придорожные камни: Стихи / [Сост.
и авт. предисл. В. Коротаев]. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1988. — 190,
[1] с.

Новая книга Сергея Чухина издается посмертно. Трагический случай преждевременно оборвал жизнь поэта. Но творчество Чухина, в котором проявились природность и глубинность его таланта, остается с нами, заняв прочное место в литературе Севера.

В книгу «Придорожные камни» вошли стихи из ранее издававшихся сборников этого автора, а также новые стихи, представленные в последнем разделе.

Ч 4702010200
М157(03)-88 16-88

84Р7

ISBN 5-85560-016-5

© Северо-Западное
книжное издательство,
1988

СЛОВО О ДРУГЕ

К сожалению, только смерть определяет истинную и окончательную цену человеку. Творческому — тоже. Пока он жив, все кажется: чего-то недодает, чего-то недоделывает, растратчивается на несущественное и даже пустячное, а то еще нам самим мешает предаваться соблазнительной полупраздности, на всякий случай именуемой рассеянным вдохновением. А главное в этих людях — присутствие их неуступчивой совести и воли, которые мешают нашему податливому и корыстному функционированию, уводящему, как правило, в сторону от истинного назначения, но зато сулящему бесспорные, хотя и заземленные, выгоды.

Сергей Чухин никогда не искал подобных выгод, будучи совершенно бескорыстным человеком: он шел по жизни единственno верным путем человеческой совести и правды, ни под кого не подстраиваясь, никого не боясь и не соблазняясь легким, а значит, недолговечным успехом. На моей памяти он никогда о нем даже не говорил. Он просто иполнокровно жил русским словом, не унижая и не разрушая, а даже дополняя и развивая его, любовался красками и звуками северной речи, извлекая из всего глубинный смысл, которому в работе своей отводил первостепенную роль. Видимо, поэтому прежде всего из-под его пера не выходило пустопорожних вещей.

Не могу сказать, что он тяготел к напряженной жизни или напряженной работе. Не любил он этого самого напряжения, как всего неестественного и даже чуждого человеческой природе, и как кровный сын родной и глубоко

любимой природы жил открыто и свободно, дыша в полную силу своих далеко не богатырских легких. И это было прирожденным свойством натуры Сергея Чухина. Не случайно стихи поэта подкупают естественностью интонации, непридуманностью материала, чистотой и природностью слова.

Безусловно, сказалась, а вернее, отзывалась долгая и внимательная дружба с Николаем Рубцовым, учеником и продолжателем которого не без основания и гордости считал себя Сергей Чухин. На какое-то время молодой поэт попал не только под влияние, но и в довольно ощущимую зависимость от рубцовской лиры, но, к чести своей, сумел вовремя и благополучно обрести собственный голос, выработать независимую походку. Все это говорит прежде всего о безусловном и серьезном творческом потенциале Чухина, без которого вряд ли могла состояться самобытная поэтическая личность.

Рубцовские уроки не пропали даром. Сергей Чухин с самого начала словно бы не замечал новомодных, но чуждых эстрадных витий, много и толково учился у отечественной классики, именно оттуда протаптывая и свою дорожку. Быстрому росту способствовала и удивительная любовь к целенаправленному и осмысленному чтению. Однажды, оставшись у меня ночевать, он обнаружил на книжной полке «Историю России» С. М. Соловьева и сумел за ночь «проглотить» целый том, посвященный эпохе Петра I.

Говорю обо всем этом потому, что имя Сергея Чухина всемирному читателю было почти не известно при его жизни. Он не обладал так называемой «пробивной силой», поэтому за сорокалетнюю жизнь издал в Москве — и только в «Молодой гвардии» — две небольшие книжки. Другие издательства обошли вниманием такого интересного автора. В журналах — особенно столичных — Чухин тоже почти не публиковался.

Странно и горько все это. Ведь многие писатели знали и ценили его, похлопывали по плечу, а вот помочь действи-

тельно и действительно ... как-то не решались. Или уклонялись...?

Не случайно поэт тянулся больше к простому люду, где все понятней и надежней. А контактность его была поразительна. Сходился быстро и надолго: будь то крестьянин или художник, рабочий или музыкант. Поэтому, видимо, чувствуя и приветствуя душевную открытость и незаданность поэта, стихи его безоговорочно принимались совершенно разными — самыми привередливыми — аудиториями.

А читать он умел... Потому что хотел, всегда очень хотел донести до слушателя то, что мучило не только самого, но и большинство соотечественников. Гражданская страсть и определенность позиций особо явственно проявилась у Сергея Чухина в последние годы, когда страна словно встряхнулась и трезво огляделась вокруг. Но именно тогда, когда у поэта стали появляться острые и смелые стихи — столь необходимые и своевременные, — его все реже и ущемленнее печатали. Как мы все-таки научились обкрадывать сами себя и насыщаться тем, что попроше и послокойнее.

Видимо, ощущение зрелости и осознание гражданской компетентности привело Чухина в молодежную вологодскую газету, где он продолжительное время вел своеобразные творческие семинары, разбирая стихи и прозу молодых. Сколько мудрых и точных советов получили начинающие. Да и не только они. Известно, что заметки поэта о литературе и природе творчества с пользой читались большинством подписчиков и были чаще всего украшением номера. Вспомним хотя бы некоторые выдержки.

«Для чего пишутся стихи? Для того, чтобы поделиться с людьми своим мироощущением, воплотить его в образы, дорогие и понятные многим, для того наконец, чтобы найти сердца, созвучные твоему. Эти стремления понятны, естественны и правомерны.

Есть, конечно, и обратная сторона медали, тщеславие, например, или графомания, которая, по определению слова-

ря Брокгауза и Ефрана, является особым видом душевной болезни. Но не о них сегодня речь.

Даже в самых первых литературных попытках наших авторов я вижу благородное желание «сердцу высказать себя».

Так он подталкивал молодых людей к творчеству.

«Глубокая поэтическая мысль должна предшествовать воплощению ее в образах. Когда она будет нова сама по себе, найдутся и новые образы и даже старые поэтические метафоры приобретут первоначальный блеск. Такова одна из основных заповедей творческого процесса».

А это уже стремление поделиться собственным опытом.

«Даже имея семь пядей во лбу, вряд ли кто смог бы ответить однозначно на интересующий многих начинающих авторов вопрос: писать или не писать? Когда человек доходит до грани «не могу молчать», тогда он волей-неволей берется за перо, в ином случае, конечно, лучше за него не браться. Других рецептов в литературе нет. А вот о степени мастерства самовыражения стоит и нужно говорить».

Или: «Старая истина: о вкусах не спорят. Одним по душе верлибры Межелайтиса, другим дороже чеканный стих Соколова, но все любители поэзии одинаково презывают к безвкусице. Одно из самых ярких ее проявлений — это низведение великих идей до уровня пошлости, что для литературы равносильно самоубийству».

И еще одно высказывание:

«Создается впечатление, что многие начинающие, берясь за перо, боятся показаться смешными в своей искренности. Они начинают пользоваться чужими литературными оборотами, а от беспомощности говорить не свойственным им языком и вовсе теряют свое лицо».

Сергей Чухин никогда не боялся быть искренним, поэтому и не терял своего лица.

...Когда-то очень давно, больше двадцати лет назад, учитель литературы и русского языка Николай Емельянович Силкин привел ко мне своего ученика, десятиклассника,

с первыми в его жизни стихами собственного сочинения. Это был Сережа Чухин — застенчивый, безропотный паренек. Взял я из его рук школьную тетрадочку и углubился в чтение. Невелик был мой литературный опыт — сам издал к тому времени одну-единственную книжечку. Но какое-то внутреннее чутье подсказало, что передо мной сидит будущий серьезный, настоящий поэт. И я ему сказал об этом.

Последующие годы подтверждали первоначальный прогноз, и мы радовались смелому росту Сергея Чухина, природности и глубинности его таланта, осознанию им своей силы и непохожести. Все подтвердилось к нашей большой радости. Поэтому читатель может понять, как горько говорить об этом светлом поэте и человеке в прошедшем времени... И не случайно, конечно, вслед его чистой душе сами собой написались стихи:

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЧУХИНА

Опять мы хороним поэта
И горькую теплим свечу.
«За что наказание это» —
Бессильно,
Бессвязно шепчу.
И пристально
Кто-то
С пригорка
В меня
Сквозь ненастную грусть
Все смотрит
Пытливо и зорко,
Как будто я смерти боюсь.
Не знаю,
Кто раньше,
Кто позже
Познает сию благодать,
Но прежде-то времени

Все же
Нельзя
Ни жалеть,
Ни пугать.

ИЗ ШЕСТИ КНИГ
1968—1982

Сергей Чухин погиб на самом взлете: ему только-только исполнилось сорок лет. И предлагаемая книга, наиболее полная из всех прижизненных,— наша дань любви и уважения истинно русскому таланту. Не говорю «последняя дань», ибо твердо верю: следующие за нами молодые люди не раз обратят заинтересованный взор на незаурядное поэтическое явление и, возможно, захотят внести собственную ленту в дело благодарной памяти.

Виктор Коротаев

* * *

Работай, друг мой,
Душою чист,
Один проходи
Науку.
По праву руку —
Бумаги лист,
И сердце —
По леву руку.
Но легче будет писать
Вдвоем,
Если,
Навек условясь,
Рядом с тобою —
Поводырем
Незамутненная
Совесть.
А трудно станет
В пургу и свист,
Поделят поровну
Муку:
По праву руку —
Бумаги лист
И сердце —
По леву руку.

* * *

Ах, опять на равнинах безбрежных,
Посмотри, как пошли и пошли
Пузырьки одуванчиков нежных
Из глубин изумрудной земли.
И затейливей северных кружев,
И причудливей сказки иной
Золотистым узором калужниц
Оторочены речки весной.
На полянке, средь птичьего крика,
Не научена счастье скрывать,
Пятикрыло цветет земляника
И готовится ягодой стать.
Разве хватит обычного сердца,
Чтобы выдержать ласковый взгляд?
Голубыми глазами младенца
Нам вослед незабудки глядят.
И, сultanами пышно качая
На густом предосеннем ветру,
Зоревые цветы иван-чая
Подожгли на осинах листву.
Это все нам не даром дается:
И луга, и святые цветы...
Это все, что в России зовется
Человеческим счастьем!
И ты
Поброди по лугам и полянам,
Полежи у земли на груди
И не тешься обычным обманом,
Будто лучший твой день впереди.
Может, жизненный путь завершая
(Хоть и долгих желаю годков),
Не захочешь ни ада, ни рая,
А холщовых
Во ржи
Васильков.

* * *

Приозерная эта дорога
Торилась веками
Рыбаками, паломниками,
В катанках и босиком...
На обочинах камни лежат,
Придорожные камни,
Как усталые люди,
Что в землю уткнулись ничком.
Что у них накопилось
Под задубелою кожей?
Рассказали б о судьбах
О мимопрошедших людских...
Но они не очнутся,
Пока не очнется прохожий
И не сядет рядом,
Бесконечно задумчив и тих.
И, спиной привалясь
К разогретому солнцем граниту,
Вдруг почувствуешь ты,
Будто крылья растут за спиной.
Ты же с предками связан
Не просто незримою нитью,
А дорогой на родину,
Родиною самой.
Так и взмыл бы, как птица,
Над пойменными ивняками!
Только не торолись,
Подвигайся неспешно пешком.
Уступают дорогу тебе
Придорожные камни,
Поздоровайся с каждым,
Пускай он тебе не знаком...

* * *

Любовь к Руси необъяснима.
И в этом смысл, и в этом страсть!

Зачем тревожная осина
На горькой глине привилась?

Зачем из африканской дали,
Из той загадочной земли
Опять сюда приковчевали
Седые наши журавли?

Зачем багровые закаты
Среди вечерней немоты
Здесь так упорно, как солдаты,
Не покидают высоты?

Зачем на краткие недели,
А не на долгие года,
Покинув родины пределы,
Мы вновь торопимся сюда?

И, где бы мы ни колесили,
Я знаю: будут до конца
На трепет горькой той осины
Ответно трепетать сердца.

* * *

Колокольчики, ромашки,
дикий клевер луговой —
Все скосили, просушили и поставили в стога.
У кузнечика хромого с треугольною ногой
Не шумит над головою разноцветная тайга.
Подкосили наше лето, ах, под самый корешок,
Покатилось красно солнышко,
позолотило рожь...

И ночами выстывают в речке камень да песок...
Что, кузнечик, что ты плачешь? Плачем лета
не вернешь.
Посажу тебя, пожалуй, не в карман,
а в коробок,
Поживи на теплой печке, духом яблок подыши.
Тихой радостью осенней запасаться надо
впрок,
Свежим сеном и листвою устилая дно души.
Тучи толстые нахлынут, и, когда посыплет
снег
И когда не остановишь ни на чем усталых
глаз,
Ты напомнишь мне, кузнечик, мой зеленый
человек,
Тиши, луга, ржаное поле... Это будет
в самый раз.
Поплотней прикроем двери да растопим
нашу печь —
И погреемся немного у веселого огня.
Ах, кузнечик, я не в силах это лето уберечь.
Как товарищ по несчастью понимаешь ты меня!

* * *

И наша не хуже эпоха
Иных, отзвеневших эпох.
Случалось, живали без вздоха
Й перепадало под вздох.
Случалось, на праздниках пляшем,
Полынныя песни поем,
А то на коровушках пашем,
На танки с винтовками прем.
Летим над Землею в ракете,
Меняем лицо деревень...
За прошлое тоже в ответе,

Не только за будущий день.
Историю выучив в школе,
Мы поняли — слава одна
У тех, что на Марсовом поле,
С солдатами Бородина.
И помня былого уроки,
Над Родиной солнце и дым,
Мы чистые наши истоки
Мутить никому не дадим.
Корежим, и строим, и пашем,
Безмерны в труде и любви.
И силушка дедичей наших
Гуляет по нашей крови.
Написано если на доле,
Ответим своей головой
За каждое русское поле,
За молот и серп полевой.

* * *

Над Ростовом не звенят колокола.
Представляю, что за музыка была,
Если медный с двухпудовым языком
Перекликнется с простым пудовичком!
Отыграла эта музыка давно,
Разве изредка запишут для кино.
Прикусили языки колокола...
Как представляю, что за музыка была,—
Помолчу да покачаю головой,
Тоже... «колокол на башне вечевой».

О милая! Наш миг неповторим.
Вся наша ночь с ее рассветной мукой
Она пройдет, растает, словно дым,—
Живи разлукой.
И над рекой два робких огонька,
И матовые ивы над излукой,
Неповторимо все, как облака,—
Живи разлукой.
Не жди прихода нового зари,
Что было нашей юности наукой.
Поговори со мной, поговори —
Живи разлукой.
Смотри, как небо рассекла звезда
Над всем земным покоем и разрушой.
И ночь любви дороже нам, когда
Живешь разлукой.

* * *

Что, ребята, горевать,—
Нет бессмертья людям!
Если быть — не миновать,
То и мы там будем.

Только каждый в свой черед...
А черед — когда же?
Тут никто не разберет,
Разум не подскажет.

Знай работай, нажимай
В доле и недоле.
Помирай, а засевай
Родимое поле.

Неизвестно, кто пожнет
С наших с вами пожен.
Неизвестно, кто поймет,
Но ведь кто-то должен.

Незарытым на земле
Не оставят тело.
Незарытым на земле
Остается дело.

* * *

Побывали люди на Луне,
И на Марсе побывают тоже.
Побывать бы где-нибудь и мне,
И, возможно, побываю, что же...
Посмотрю на дальние края,
На природу их и на погоду.
Но боюсь, что затоскую я
По земле своей и по народу.
Это просто говорится так,
Что, куда хочу, туда и еду.
А тоска по родине — пустяк?
По отцу, по матери, по деду?
Как это устроено в душе,
Объяснят ли разные словечки?
Лишь бы дома, пусть и в шалаше,
Пусть и не у моря, пусть у речки.
Пусть она едва журчit у ног,
И над нею не шумят ветрила,
Но ее певучий говорок
Внятен мне — она меня вспоила.
Лягу под березой слушать птах,
Вновь ее весна принарядила.
Миляя моя, в твоих лаптях
Вся Россия в люди выходила!

Побываем за границей, что ж...
Может, там края красивей даже.
Но куда от родины уйдешь?
Разве в землю родины — не дальше.

* * *

Ах как ласточки реяли в выси!
Нежным сеном тянуло с полей.
И слетались вечерние мысли
На огонь сигаретки моей.
Шли подводы деревнею грузно,
За подводами шли мужики.
Нам для горести многое нужно,
А для счастья совсем пустяки:
Только б ласточек в выси,
Да эту
Вечереющую благодать,
Да еще докурить сигарету,
И заснуть...
И проснуться опять.

* * *

По родной земле кочую,
По чужим домам ночую.
Стукну в дверь. Кричат: «Войдите!» —
«Можно переночевать?» —
«Проходите, бога ради!
Добрым людям будем рады.
Выбирайте что хотите:
Вон — полати, вон — кровать».

Не спеша идет беседа.
«Далеко ли и откeda?»

Не скрываю, отвечаю,
Мне и нечего скрывать.
Словно дивная жар-птица,
Самовар на стол садится.
После трех стаканов чаю
Покурю — и почивать.

Утром встану — понемногу
Собираюсь в путь-дорогу,
Тихо двери отворяю
И ступаю со двора.
По родной земле кочую,
У родных людей ночую
И поэтому желаю
Им здоровья и добра.

* * *

Стояли в марте холода,
Но через две недели
Пришло тепло — и, как всегда,
Мостами хлынула вода,
И льдины ржавые пруда
В три дня перегорели.

Великолепная пора! —
Во всем разгаре страсти:
Буксуют даже трактора,
По лужам с криками «Ура!»
Летит галопом детвора,
Рыбак готовит снасти.

И в небесах идут бои,
И там скворцам нимало
Не уступают воробы
Квартиры зимние свои.

Легко ль с привычной колеи
Лететь куда попало?

Прекрасен воздуха настой!
Иду хмельной, бедовый.
И мне кричит цветок простой:
«Куда ты топаешь? Постой!
Взгляни, какой я новый!»

* * *

Свалянные травы под ногами,
Наверху темнеют облака.
Небо пахнет первыми снегами,
Можно говорить наверняка.
По округе холоднее стало,
Оттого и хрипнут петухи,
И давно не собирают стадо
Выборные наши пастухи.
Наши реки вдруг захолонули,
Только в избах держится тепло,
Только утки тихо повернули
С правого на левое крыло...

* * *

Прошла машина, тяжело дыша.
Осела пыль — и прояснились дали.
Куда спешить и жать на все педали?
Угомонись, веселая душа!

Стоит такой божественный закат,
Раздольно так и широко пылает
И облака лучами подпирает,
И я закату, словно другу, рад.

И вообще идется мне легко!
То под кустом увижу медуницу,
А то спугну загадочную птицу
И взглядом провожаю далеко.

Куда спешить?.. И я домой не рвусь,
Я предаюсь нежданному покою.
Запомнись же, запомнись мне такою,
Вечерняя и дорогая Русь!

А ты, душа, притихни поскорей,
Угомонись и полюби дорогу,
Что к лесу подается понемногу,
Как память сердца к юности моей...

* * *

Друзей потянет кочевать,
А ты у осени попросишь
Бумаги лист, оконца просинь
И деревянную кровать.

Листва засыплет водоем,
Придет спокойная погода.
Пройдет скрипучая подвода —
И день потянемся за днем.

Настроив душу на добро,
На чистоту лесной берёсты,
Понять природу так же просто,
Как птице обронить перо...

* * *

Далеко, за темными холмами,
Сердцем понимая доброту,
Медвежонка мужики поймали,
Круглого лесного сироту.
К молоку сначала приучили,
Прочно сколотили конуру,
А потом и вовсе приручили
И гулять пускали по двору.
Маленький, способный до науки,
Перед сельской бойкой детворой
Мишку вытворял такие штуки,
Что дивились взрослые порой.
Но когда, почувствовав силенку,
Мирным ожиданьям вопреки,
Он задрал шальную собачонку,
Затужили наши мужики:
«Жалко хлопнуть экого повесу».
И свели беднягу за село.
«Поброди-ко ты, браток, по лесу,
Посмотри-ко разного всего».
Может, вырос, некогда послушный,
Но погиб, я думаю, скорей.
Слишком добрым стал и простодушным,
Потому что жил среди людей.

* * *

Благословенны дни покоя.
Милы, безоблачны, близки
И эти лодки на приколе,
И всплески мягкие реки.

Вода, пронизанная светом
(Она теплей под вечера),

Рыбак, пришедший за советом,—
Полны привета и добра.

И ветер, облетая сушу,
Незримо, но наверняка
В людей свою вдыхает душу,
Как в дерева. Как в облака.

* * *

Позабыл и дом родной и детство,
Но ржаные помню калачи
И само торжественное действие
Около растопленной печи.
Это мне потом известно стало,
Как меняла старенький сатин
Мать моя на дрожжи и на сало
В дни международных годовщин.
Позабыл заветные полянки,
Лопухов размашистую тень.
Позабыл и рыжие поганки
На дощатых крышах деревень.
Это мне потом известно стало
Про послевоенную беду,
Что в деревне хлеба не хватало,
Что в деревне ели лебеду.
Что ночами плакала украдкой
Мать моя — узнал через года.
Мне тогда спалось ночами сладко,
А теперь не спится иногда.

* * *

Скорее бы заиндевели окна
И за двойною толщею стекла
Шоссейная дорога приумолкла,
А пешеходов стужа доняла.

Наступит одиночества отрада,
И думы, что по-зимнему чисты,
Естественные, словно снегопады,
Осядут на покорные листы.

* * *

Пускай со мной душа моя умрет,
Пусть без нее наступит время года,
Пусть без нее воды круговорот
Продолжит неуемная природа.
Пускай со мной душа моя умрет,
В другое тело не перелетая,
Другой душе не принося забот,
Пускай со мной душа моя умрет,
Невечная, спокойная, простая.
Не надо мне заоблачных высот,
Где пустота сознанье убивает.
Пускай со мной душа моя умрет,
Но только раньше пусть не умирает.

* * *

Метелью окна занавешены.
Шумит согретый самовар.
Сидят немолодые женщины
И с блюдечек сдувают пар.

Сидят немолодые женщины
И тихо, не наперебой,
Судьбою общею утешены,
Беседуют между собой.

Они беседуют, беседуют,
Платочки на коленях минут.
На ребятишек мягко сетуют:
«Обутки больно много рвут...»

Слова плывут, заботой теплятся
И тают около дверей:
«Коровы скоро ведь отелятся,
А сена мало на дворе.
И водокачки, что обещаны,
Стоят холодные, без крыш!»
Расходятся по избам женщины,
О всем не переговоришь...

* * *

Как ясно, как чисто, как строго
Под соснами на ветерке!
Еще погуляем немного
От дома невдалеке?

Успеем к вечернему чаю,
А не успеем — пустяк!
Сейчас по пути замечаю —
Давно не гуляли вот так:

Мелодии перевиная,
Услышанные вчера,
И мысленно перебирая
Похожие вечера.

Похожие были, да сплыли.
Единственный это денек:
Тепло остывающей пыли,
Смолистый далекий дымок...

* * *

Шуршат сухие ивняки,
И холодны на дне реки
Недавно теплые пески,
И пусто на пологом поле.
И эта темная река
Спокойна и неглубока,
Стоят спокойно облака
И лошади на водопое.
Качая зыбкие мостки,
Полощет мать половики:
«Покуда ведрены деньки,
Покуда ветры стали тише...»
И дале причитает мать,
Что надо все перестиарать,
Пока дожди полосовать
Не начали по нашей крыше.
Приходит матушка домой
И, прислонясь к печи спиной,
Подолгу говорит со мной,
Что вянут за деревней склоны
И, знать, зима недалека...
Стоят спокойно облака,
Спокойна тихая река,
И только люди неспокойны.

* * *

Половодья лихая путина
Затопила дороги мои.
Напиши письмечко, Антонина,
Прилетели ли там соловьи.
Напиши, как они обручили
Зорьку вечера и рассвет,
Как в открытые окна ночами
Горько пахнет черемухи цвет.
Это май виноват, подружка,
А все прочее ни при чем,
Что сгорает твоя подушка
Под горячим под правым плечом!
Выйди из дома — встретишь диво,—
Все равно тебе не уснуть! —
Посмотри, как луной окатило
От крыльца уводящий путь.
Протяни же призывные руки
К сильным рекам, на север, туда,
Где кончается время разлуки,
Убывает оно, как вода.

* * *

Мне жалко покидать реку,
Где пахнет выловленным илом,
Где, занесенное разливом,
Лежит бревно,
А по песку
Гуляют гуси.
Жалко мне
Оставить яблони лесные,
Поляны светлые...
Отныне
На незнакомой стороне

Среди привычной суэты
Случайный шум ветвей напомнит
И холодок просторных комнат,
И лес, и друга, и цветы.
Неповторимая пора!
Она продлилась только лето,
Но ей спасибо и за это:
За луг, реку и дым костра.
Пускай с друзьями я не раз
Еще увижу эти воды!
Другие это будут годы,
И все другое встретит нас...

* * *

До свиданья, родная сторонка!
Чемоданчик в руке и билет.
Откровенно, слезами ребенка,
Мне заплакала девушка вслед.
Отвалил пароходишко ветхий
От знакомых домов и берез,
И, веселый, по палубе верхней
Я шатался, не слишком тверез.
И поехала жизнь, завертелась!
Чемоданчик потерся, ну что ж...
Не скрываю, порою хотелось,
Чтобы времечко, глупое сплошь,
Воротилось!.. Но разве вернется!
А не верить нельзя — потому,
Может, счастье еще улыбнется,
Да и сам улыбнешься ему.
Так прости же, родная сторонка!
Лишь одно не отмолится, нет,
Как открыто, слезами ребенка,
Мне заплакала девушка вслед.

* * *

В вечерний час звука рассветом...
А. Блок

Закричали вечерние птицы
За оврагами, рядом, во рву.
Молодого тумана крупицы
Понемногу согнули траву.

На реке ивняки потемнели,
Потемнела гряда камыша,
Потемнели песчаные мели,
Но зато посветлела душа.

Вместе с ней посветлели сараи,
Отдаленные скрипы подвод,
И трава посветлела сырья,
И река посветлеет вот-вот.

* * *

Она чиста, дороженька лесная!
Но вот однажды прохожу по ней —
Навстречу мне угрюмо, не мигая,
Из-под листа вылезает муравей.

Он на дыбки поднялся по-медвежьи
И прекратил мой безмятежный путь.
За милый край песчинок и валежин
Готов любому голову свернуть.

Храбрец решил: мол, этого осилю —
И грозно покатился на врага.
Пришлось ретироваться за осину...
Кому на свете жизнь не дорога?

Противник мой немного удивился,
Нашел иглу — и с ней наперевес,
Пошевелив усами, удалился...
Такой погибнет,
Но не выдаст лес.

* * *

Снегу светлому поклоняюсь,
Снегу — чистой душе небес.
Поклоняюсь ему, покоряюсь
И не жду от него чудес.

Но всегда благодарен душою,
Что в морозные дни января
Не хоронит поля под собою,
А собою спасает поля.

* * *

Не забывай минувшие печали,
Любовь найдя и доброту найдя.
А если позабудешь, то едва ли
Они опять не посетят тебя.

Ни прежние надежды и ни вера
Тебя не отрезвят, и потому
Былая боль — единственная мера
Сегодняшнему счастью твоему.

* * *

Широкие темные рощи,
Где пахла сырая трава,
Всегда помогали попроще,
Поласковой выбрать слова.

От нежности лица белели
И плыли средь березняка.
И добрыми лапами ели
Махали издалека.

Глупее мы были, моложе,
Боялись недобрых глаз.
Любовь миновала, но все же
Она не минула нас.

Поныне средь шума лесного —
Лишь имя твое назови! —
И губы разомкнуты снова
Простыми словами любви.

* * *

Окно расконопачу в горенке,
Оно выходит в палисад.
Гуляют в палисаде горлинки,
И низко яблоки висят.

Все тишиною мягкой обнято,
И, кажется, средь тишины
Услышу даже, если облако
Коснется краешком луны.

А Катерине Александровне,
Моей бабусе и любви,

Все чудится, что в палисаднике
Разбойничают соловьи.

Бабуся, это я разбойничаю!
И теша милую свою,
Насвистываю неразборчивое
И неразборчиво пою.

Не зря я обходил горенку,
И, коль удача улестит,
В ней будет жить такая горлинка,
Что и зимой не улетит.

* * *

Поле раскисло под ливнями.
Что на погоду пенять?
Местная авиалиния
Почты не может принять.

Жмутся к заборам прохожие,
Хлюпают грязь и вода.
Были недели погожие —
Были и письма тогда.

Как это трудно: разглядывать
И перечитывать вновь,
Сгибы легонько разглаживать
Писем, где дышит любовь,

Где через нотки отчаянья,
Настраивая на смех,
Строчек твоих окончания
Чуточку загнуты вверх...

* * *

Пришли на память милые грехи.
Со мною полушепотом болтая,
Сидишь темноволосая, босая.
Горланяят по деревне петухи.
Мой легкий плащ тебе великоват,
А ты никак его надеть не хочешь,
Но все же надеваешь и хохочешь,
Взглянув на новоявленный наряд.
От этой ночи долго до любви!
Но я не в силах справиться с волнением...
А между тем, захлебываясь пеньем,
Деревню атакуют соловьи.
За перелеском от незримых струй
Туман летит и, подымаясь, тает.
И наша ночь от окон отступает,
Короткая, как первый поцелуй.

* * *

Отличная нынче погода:
И ясно, и ветер тугой!
Не видели около года
Хорошей погоды такой.

Приятно гулять за дворами,
Приятно забыть на денек,
Что не конопачены рамы,
А холод уже недалек.

Сосед на пророка походит,
Когда не спеша говорит:
«Плохая погода проходит,
Хорошая — постоит».

А птицы из глуби зенита
Кричат, улетая от выюг,
И клин, словно стрелка магнита,
Указывает на юг.

* * *

Законными хозяевами бора
Песчаною дорогой налегке
Мы топали вершиною угора,
Легко меняя темы разговора,
Спешили в свой шалаш, к большой реке.

Нас ожидала чудная рыбалка!
Уж доносился грозный шум воды...
Тут заскулила вдруг моя собака,
И взмокла на спине моей рубаха,
Когда я на песке узнал следы.

«Медведица! — и мы остановились.—
А рядом медвежонок — вот и след...»
Сердца у нас куда-то опустились,
И молча мы со всей родней простились,
Но все же принялись держать совет.

Никак не получалось разговора.
Решили так, сперва взглянув кругом,
Что зверь не станет лапать без разбора
Всех посетителей седого бора,
Тем более, что мы пришли с добром.

...И вот река, под бревнами, под сплавом,
Нас развлекла... Но помню с этих пор
Медведицу, покладистую нравом,
Что лапу наложила с полным правом
На наши притязания на бор.

* * *

Оттаяли зеленые массивы,
Вот-вот они подымут гам и гул.
И воробей, свои почуяя силы,
Соседа этак хорошо пихнул!
Смотри, смотри попристальней в оконце!
Заметишь, как в короткие часы
Намного укорачивает солнце
Сосулек любопытные носы.
А вздумаешь пойти гулять подальше,
Ты убедишься, милая, тогда,
Что под любой лежачий камень даже
И то пробилась вешняя вода.
Весне желаю всяческих свершений,
Спасибо ей за добрые дела!
Она дохнула — и отогнала
Заледенелость наших отношений.

* * *

Кажись, и чудо невелико —
Такое встретишь каждый год.
А погляди-ко, волчье лыко
Цветет — и как притом цветет!
Его коснулось тенью только
Крыло весны... И вот оно
Зажгло свой огонек. Но сколько
В нем теплоты заключено!
Полянку словно осветило,
А сердце каждого из нас
Хорошим чувством окатило,
Да и порадовало глаз.
Велико чудо, невелико —
Любое важно на веку.
И потому-то волчье лыко
Я ставлю с радостью в строку.

* * *

Нам по душе погожие деньки —
Они безгрешным солнышком повиты.
Нам по душе широкие ракиты,
И старых мельниц жернова и плиты,
И тихий ток заброшенной реки.
Мой добрый друг, он счастлив, как дитя,
Что я не нахваляюсь его местами
И луговыми чистыми цветами...
— Ну что,— смеется,— ноги не устали? —
И мы с ним дальше топаем шутя.
На вырубке, где мхом покрыты пни,
Он снова улыбается: — Взгляни-ка...
— О господи! Какая земляника! —
Веселого не сдерживаю крика.—
Она клубнике более сродни!
...И дальше мы шагаем налегке.
Пчелиная вокруг играет выюга,
И, топая средь млеющего луга,
Мы радуемся радости друг друга,
Как радуемся солнцу и реке.

* * *

Н. Рубцову

Уходим за последними грибами
Под крапающим изредка дождем.
Хотя отлично понимаем сами,
Что ничего сегодня не найдем.
Уходим за последними грибами,
И для согрева пробуем бежать,
И сигаретки теплые губами
Стараемся подольше подержать.
На пустоши давно ли ограбили
Просушеннное сено... А сейчас
Уходим за последними грибами —
За первыми ходили и без нас.

* * *

Все в памяти стирается,
Всему вторая смерть.
А так душа старается
Навек запечатлеть
И небо цвета серого,
И как при ветерке
Трепещет жизнь последнего
Листка на волоске...

* * *

Сияет Ясная Поляна.
Не видно суеты нигде.
Светла, отчетлива, багряна
Листва застыла на воде.
Найду высокую аллею,
Найду покой и полутьму,
И, гость незваный, пожалею,
Что нет хозяина в дому.

* * *

На улице,
Наверно, застывает.
Ночь ветрена,
Морозна и ясна.
И засыпает,
Тихо засыпает
Усталая от разных дел
Жена.
Во сне
Пусть от нее отступят страхи
За мир и лад,

За близких и родных...
Горят в печи, потрескивая, плахи,
А у трубы, наверно, жмутся птахи.
Мне так бы всех
Согреть хотелось их!
То слышу я гудки далеких станций,
То слышу я голодной птицы крик,
То слышу я шум ветра меж акаций...
Бессонной ночи
Жалобный язык!
И вдруг меня сомнение охватит,
И я встаю в волненьи,—
Как же быть...
Чтоб целый мир согреть,
Души не хватит,
А между тем
Ее должно хватить.

* * *

Поле перемечено стогами.
Далеко родимое село.
На Руси, засыпанной снегами,
Стало малолюдно и светло.
Под полозьями скрипит дорога,
Солнную тревожа благодать.
Нет над миром ни звезды, ни бога,
И пустыне некому внимать.
Встанет на обочине прохожий,
Иногда попросит табачку
И уйдет, на остальных похожий,
К тусклому жилому огоньку.
И опять потянется равнина.
И опустит шею вороной.
И душа от холода хранима
Этим снегом, этой тишиной.

* * *

Кончилось осенне ненастье,
Ожили озимые в земле.
Разве это не большое счастье
На Руси, забывшей о тепле?
Так светло, что о зиме не думно,
Курят, балагурят мужики.
А давно поленницы обдуло,
И пора бы им в дровяники.
Не найдешь в деревне человека,
Что хотя бы с виду был сердит.
Как начало золотого века,
Золотой денек такой стоит.
Кончилось осенне ненастье,
Вот и перемена на земле,
Вот и снова привалило счастье
Людям, позабывшим о тепле.

* * *

Журавлиный клин качается,
Мерно крыльями гребет.
Лето красное кончается,
Стылой осени черед.
С поля рожь недавно убрана,
Не скрывает большака.
Почернела в кадках губина,
Загнетенная слегка.
Буераки да овражины
Застилает листопад.
Дровни заново отлажены
И на поставнях стоят.
Холодами зелень губится,
Только озимь зелена...
Мне за то Россия любится,

Что рабочая она,
Что труды трудом сменяются,
Что они в полях у нас,
Словно зорюшки смыкаются,
Не смолкая ни на час.

* * *

Грузовичок потряхивает славно!
Едва пристроюсь — снова подскочу.
Уже на шутки улыбаюсь слабо,
А сам ответно вовсе не шучу.
Наверно, бесконечен этот волок!
Машина с хрипом лезет на увал.
Таких дремучих и угрюмых елок,
Признаться, я давненько не видал.
А рядом старичок ползет по тропке,
Не обернется на моторный вой!
Вспомянешь тут о гоголевской тройке
И грустно покачаешь головой.
Попутчики веселые устали,
Поистощили шуточек запас.
Не отступают перед нами дали,
А наступают, кажется, на нас.
Из лужи в лужу новую ныряя,
Глядим вперед за каждый поворот
С надеждою, что пусть и не родная,
Но все-таки деревня промелькнет.

* * *

Звезда протаяла
Меж облаками.
Минувший день,
Как ветром, отнесло.

Но над озерами,
Над волоками
Стоит тепло,
Вечернее тепло.
Глухими парками,
Потом лугами
Пойду один
Неведомо куда,
Пускай ромашки
Светят под ногами,
Пускай горит
Над головой звезда.
Пускай тропа моя
Течет все дальше
И не дает
Нигде передохнуть...
Такая тишь!
И мне отрадно даже,
Что предстоит еще
Обратный путь.

* * *

A. Грязеву

Во мглу и дождь погружена округа.
Прекраснее погоды не найдешь!
Такой порою не дождешься друга,
Не тянут ни река,
Ни зелень луга...
Шуршит, шуршит по низкой крыше дождь
И размывает времени границы.
Мне снова мил осточертевший труд —
Листать и править желтые страницы;
И годы мои прежние, как птицы,
Издалека мне голос подают.
Хочу поймать мгновенье в сети строчек,

Хочу его подольше удержать!
Так мотылька — трепещущий комочек —
Дитя поймает в жаркий кулачок
И пальцы так сожмет, что не разжать.

* * *

Ночь онемела здесь, над полем,
И звезды августа летят,
И Фет читается запоем,
И человек покою рад.
Любимой не спугнет страницы,
Не сдвинет с тишины засов
Ни дальний свет большой столицы,
Ни ровный ход стенных часов.
И все, что было днем забыто
И навсегда погребено,
Летит свободно и открыто
На растворенное окно.

* * *

Шоссе районного значения —
Арена нашего мученья.
Плытем по озеру всю ночь,
Ревет редакционный газик,
И мы — эх, разик, еще разик! —
Ему пытаемся помочь.

Нам не проехать этим трактом.
Одно спасенье — если б трактор...
И всяк дороженьку клянет.
Опять, опять сидим в кювете!
Фуфайку, ругань, все на свете
Шофер под колесо кладет.

Ах, наконец-то мы в деревне!
Спасибо деду за доверье —
Прекрасней печки места нет!
Шофер во сне куда-то едет,
Шофер во сне о чем-то бредит,
Пока не свалится в кювет...

* * *

И вот пришла пора грибная!
Отныне, отыха не зная,
Березняком да сосняком
С корзиною да посошком,
Как мирный леший, без пути
Иду — абы куда идти.
Да что же! Ведь и это счастье:
Лес тихий, теплое ненастье...
Скрипит в руке перевесло —
И человека понесло!
И вот я бью челом грибу,
Благодаря свою судьбу.
Уколы ласковые хвои
Меня спасут от всякой хвори.
Иду по чаще, прямиком;
Лес — мне, а лесу я знаком.
И мне денек порою мал...
Что значит — плохо-то живал...

* * *

Листвы караваны
За осенью следом
По плесам широким
Тянутся.
Лесные поляны

Покроются снегом,
А наши следы
Останутся.
Мы в речке купались.
Мы сено косили,
Поставили скирды
Толстые.
Грибные дожди
По ночам морошили,
Косить-то с утра —
Удовольствие!
И вот откупались,
И вот откосили...
Что в будущем с нами
Станется?
Листвы караваны
По речкам России,
По плесам широким
Тянутся.
Дровишки подсохли,
И жито дожато,
Сиди —
Не слезай с лавочки!
Но лета крылатого
Все-таки жалко,
Особо
Последней ласточки.
Уже пожелтела,
Пожухла отава,
Свалялась
От первого инея.
Земля притомилась,
Остыла, устала...
Передохни,
Милая!

* * *

Долга ты, деревенская зима!
Твои морозы и ветра суровы.
Но что найдешь приятней для ума,
Чем погрузиться в старые тома,
Как погрузился домик мой в сугробы?
И не страшит безмолвие ночи!
Работается и легко, и споро.
Все радует: живой огонь свечи,
И мягкое дыханье печи,
И даже то, что ночь пройдет нескоро.
Но сколько б дум на сердце ни легло
И как бы их перо ни отмечало,
А утром встанешь: «Боже, как мело!
Белым-белого вокруг, белым-белого...»
И это значит — все начни сначала.

* * *

Открою дверь на легкий стук:
Спасибо почте!
О друге вспомнил,
А письмо уж тут как тут!
И мир не то чтобы добрей,
А как-то проще,
Когда вокруг
Твои товарищи живут.
И если встанешь
На краю большого риска,
Они придут к тебе на помощь:
— Не беда! —
Тебе открыты их кредиты,
И прописка
Тебе открыта в доме каждого
Всегда.

Открою дверь на легкий стук:
Спасибо почте!
Она всегда письмо приносит,
Если ждешь,
И мир не то чтобы добрей,
А как-то проще
От первой строчки,
От вопроса:
«Как живешь?»

* * *

Листва осенняя сопрела.
Ушли потоки под мосты,
И сразу же в конце апреля
Явились первые цветы.
Как дети, что по всей России
Уже босые месят грязь,
Так и цветы стоят босые,
Большому солнышку смеясь.

* * *

Вода затопила кюветы.
Дороги в грязи густой.
И не прикочуют конверты,
Подписанные тобой.
Болота, болота, болота...
Кустарник, река, сухостой.
Для птиц — полтора перелета,
Для почты неделя с лихвой.
Возьму у соседа дворнягу,
Ружье заряжу и опять
Пойду на вечернюю тягу
Не птиц, а часы убивать.

Но под комариное пенье
Среди бесконечных болот
Никак не приходит забвенье,
Да, видимо, и не придет.

* * *

Бессонницы тревожный бред,
То беспричинная забота,
То слышу — хлопнули ворота,
А выйду —
Даже следу нет.
Задумаюсь — и снова мне
Почудится знакомый шепот,
А на крыльце неясный топот,
И взоры быстрые в окне.
Мятутся тени прошлых дней,
Как серая ночная выуга.
И вдруг лицо былого друга
Воскреснет в памяти моей
Живым укором...
Что со мной?
Как будто все, кого обидел,
Сюда сошлись,
В мою обитель,
И тихо встали за спиной.
О, если б спас меня рассвет,
Но сколько было их, рассветов!
Не меньше, чем благих обетов...
И все равно покоя нет.
Приходит ночь, и в тишине
Опять знакомый слышен шепот,
И на крыльце неясный топот,
И взоры чудятся в окне...

* * *

Люблю ночной порой не зажигать огня.
Как будто сон цветной, плывут передо мною
Места родимые не в ясном свете дня —
Места родимые под белою луною.
Туман с реки, туман ползет на берега.
Не дни, а вечера пока поостывали.
Под белою луной лишь редкие стога
В тумане том едва всплывают островами,
Напоминая мне июльский сенокос,
И жадных оводов, и страх пред каждой тучей!
Но кончилась, прошла пора полночных гроз!
Ни тени на пути, пути звезды падучей...
Деревня тихо спит. Собаки даже спят
Незлобные, забыв про полые ворота...
Полночных деревень незыблемый уклад.
...А солнце где-то там дойдет до поворота —
И взгляду открывается окрест
На месте быстрой речки гниль и сырость,
На месте пахоты ольховый серый лес...
Куда и почему все кануло и скрылось?
И я задумываюсь, голову склоня...
Как будто сон цветной, плывут передо мною
Места родимые не в ясном свете дня —
Места родимые под белою луною.

* * *

Николай Иванович, Колюня!
Заводи в оглобли жеребца!
Полетим селом наудалую
Дальше от зазнобина крыльца.
Пусть она ресницами уколет
Зимнее холодное стекло,
Пусть она посмотрит в чисто поле —

Далеко ли сани унесло?
Эх, Колюня, раскалим полозья,
Пусть под ними плавится снежок!
Все равно зазноба ночью поздней
Не воткнет в калитку батожок.
Все равно дождется — я-то знаю! —
Знаю, потому и говорю,
Потому безудержно гуляю
И еще безудержней люблю.
Ворочусь к зазнобе ночью поздней,
Выходи, скажу, да покажись...
Зачеркните, милые полозья,
Прошлую, укатанную жизнь!

* * *

Случилась перемена
В судьбинушке моей.
Ах, доченька Елена,
Весенний воробей!
Кричишь неугомонно,
Не отойди на миг!
Минуло время оно
Кино, покоя, книг.
Сухой глотаю ужин —
Неважно, что за снедь!
И вновь бываю нужен
Стирать, качать, сидеть.
Припоминаю сказки
По милости твоей,
Недреманные глазки,
Весенний воробей!
Сними-ка вот с колена
Такого воробья...
Ах, доченька Елена,
Забавница моя!

* * *

Лежалый снег ползет по крыше,
Сосульки тают на весу.
Апрель сияет у мальчишек
И у сосулек на носу.

Запахло прелою землею,
Трава проклоняется вот-вот.
И первый трактор
Под зимою
Черту на пашне
Подведет.

* * *

Столько грязи опять и осеннего холода
столько,
Что лугами и то далеко от села не уйдешь.
На осеннем костре начинает попискивать тонко,
Начинает попискивать по-комариному дождь.
По сырому живью разбрелось беспастушное
стадо.
Сплоховал сенокос: шли дожди с Петрова на
Илью.
Чтобы на зиму сена у каждой хозяйки достало,
До мороза и снега коровам ходить по живью.
И кого же не тронет осенняя эта картина,
Если ветер и дождь, и ночами тускнеет живье!
Так чиста в наготе своей, так беззащитна
равнина,
Что без слез невозможно открыто взглянуть
на нее!
А особенно поздними в дальней дороге
ночами,

Когда слабый огонь вдруг мелькнет
в осязаемой мгле...
Можно сил почерпнуть даже в горькой
осенней печали,
Если ты на родной и пускай неуютной земле.

* * *

И снова праздник наш печален,
Да и нельзя наоборот:
Ведь мы не новый год встречаем,
А провожаем старый год.
Ах, были шутки легокрылы!
Но годы вороном летят,
И множат близкие могилы,
И, чую, новые сулят.
А нас и так осталось мало...
Да что тут сетовать на жизнь!
Как говорил Рубцов, бывало,
Коли поехал, так держись!
Нам время строгое не в диво,
Намяло шею и бока.
Оно, конечно, справедливо,
Коль время мерить на века.
Но и при шуме ветра злого,
Когда и тяжко и темно,
Пиши, мой друг, как будто слово
Тебе
Последнее
Дано.

* * *

B. Коротаеву

Свое дитя как не оберегать!
И рыжику румяному на шляпу
Она легонько положила лапу,
Та елочка, та молодая мать.

Но я ведь тоже, ой, какой хитрец!
Ношу очки и все прекрасно чую,
Не зря в лесу и днью и ночью,
И малыша заметил наконец.

И елочку взяла от страха дрожь,
Когда небритый, радостный детина
(Довольно кровожадная картина)
Вдруг из корзины вынул острый нож!

Да, этот рыжик мой наверняка!
Стоял он тёплый, будто бы спросонок,
И, показалось, пискнул, как цыпленок,—
И поневоле дрогнула рука.

Смутился я, неопытный злодей...
Валежник треснул — люди были рядом...
И, посмотрев на рыжик добрым взглядом,
Я отошел подальше от людей.

* * *

Дочурке сладко слится,
Сопит себе, сопит.
Наверно, мама снится,
А мама рядом спит.
Умаялась... И значит,
Что белым днем опять

Случалось — дочка плачет,
Случалось — плачет мать.
Разбросаны тетрадки,
Легко стучат часы,
Посапывают сладко
Курносые носы.

* * *

Выгляжу как белая ворона
Между слишком бойкими людьми.
Не нужна мне помощь мегафона,
Чтоб признаться Родине в любви.
Лучше леса, полюшка и луга
Не нашепчешь милой стороне.
Друг всегда имеет право друга
Помолчать вдвоем наедине.
И когда над Русью небо ясно,
А ее леса —
Порыв и стать!
Мне легко...
Но разве громогласно
Это надо клятвой подпирать?

* * *

Луга,
Что не украшены стогами.
На горле их
Сомкнутся ивняки.
И я прощаюсь
С этими лугами,
Они живут
Последние годки.

Ивняк забыт со временем
Деревья,
И встанет лес,
И станет веселей.
А говорят,
Что здесь была деревня...
Но это
Не на памяти моей.

* * *

Сомкну глаза — и, словно наяву,
Проходишь предо мной, легко одета,
Привет последний и улыбка лета,
И расплетаешь мягкую траву.
Сомкну глаза — и вновь тебя зову,
Любимую! Зову — и нет ответа.

Неистребима память о тебе.
Она жива и в парке том тенистом,
Где мрак пронизан щебетом и свистом,
Где милый шепот слышится в листве;
И в поле том, ромашковом и чистом;
В моей давно неприянной судьбе.

Спувшись к реке тропинкой от села,
Надеясь тайно на чудесный случай
Тебя увидеть вновь под белой кручей —
Случаются же дивные дела!

Но остывает камень бел-горючий,
Где только что Алешка была.

* * *

Среди зимы, среди мороза
Внезапно грянул гром!
И вот,
Как остроносая заноза
В зенит вонзился самолет.

Снежок со вздрогнувших сосенок
Чуть в сторону поволокло,
И лес поежился спросонок,
Теряя трудное тепло.

Зачем будить его, больного?
Он сам собою оживет
От грома доброго, живого,
От грома птиц и грома вод.

* * *

Сводим лес и травим наши реки,
Признаемся, что порою — зря,
Добавляем,— все мы люди...
Так ли это, правду говоря?
Полчищами шумными не мы ли
Шастаем по реденьким лесам?
А березки, как глухонемые,
Руки воздеваю к небесам.
Ладно бы, по ягоды бродили...
Но на карте в наши времена
Не отыщешь белого пятна,
Где бы браконьеры не блудили.
На Шексне-реке сорожку жарим,
Хвастаемся — кто и что поймал.
А забыли, что старик Державин
О шекснинской стерляди писал.

Памятью слабеем год от году,
Ведь природу называли — мать...
Покоряя дикую природу,
Как бы нам самим не одичать.

* * *

Поют соловушки во мгле.
Ах, тише, тише, тише...
Они гнездятся на земле,
А петь взлетают выше.
И что им дела до забот,
Что всяк себе заводит!
Ах, как один из них поет!
А как другой выводит!
Остыла на костре зола,
Тонка заря, как волос.
А он на холоде дотла
Пережигает голос.
Хотя гнездится на земле,
Но петь взлетает выше.
Поют соловушки во мгле.
Ах, тише, тише...

* * *

Сижу, рыбачу... Только зря,
Лишь два усатых пескаря,
И те со скуки, так, слегка
Позарились на червяка.
Плохи, плохи мои дела!
Куда же рыба вся ушла?
А раньше, помню, здесь в грязи
Такие хрюкали язи,
Что даже оторопь брала!

Плохи, плохи мои дела...
И разбирает зло меня —
Уже потеряно полдня,
А словно вмерзли поплавки
В серебряную гладь реки.
Сижу... Но с криками «ура!»
Летят два бойких комара.
Они летят, как атаманы,
И лапы сунуты в карманы,
Хотят расправиться со мной!..
Пойду-ка лучше я домой,
А пескарей пущу в реку.
Пусть вспоминают на веку,
Какой я хмурый и большой,
С какою доброю душой.
Приятно, что ни говори,
Пускай не люди — пескари,
Пускай в норе, пускай на дне,
Но все же вспомнят обо мне.

* * *

Летит листва, легко черкает оземь.
Пришла пора туманов и дождей...
Как незаметно наступила осень
На небогатой родине моей!
Не прозевали люди,
Опростали
В корзины
Простодушные леса!
И прекратились крики за кустами,
И отпорхали птички голоса...
Усталая природа затихает,
И дай ей бог зимой не знать тревы
Мой костерок неслышно затухает,
Мой костерок —

Мой теплый островок.
Трепещет пламени душа живая,
Стремясь набрать былую высоту!
И, словно жизнь свою продлить желая,
За хвостом ныряю в темноту.
Мне выедает очи дым разлуки,
Но, утирая слезы, я молчу
И так к огню протягиваю руки,
Как будто друга
Удержать хочу.

* * *

Ни звезды, ни ясна месяца,—
Костерок горит в ночи,
И бесшумно тени мечутся,
Как огромные сычи.

Слышно — рядом речка токает,
Ходит перепел в овсе,
Лошадь спутанная топает
Да катается в росе.

Ни проезжего, ни пешего —
Тишина и благодать!
Никакого больше лешего
Не желаю пожелать:

Ни звезды, ни ясна месяца...
Мне теплее на земле,
Если тени тихо мечутся,
Костерок горит во мгле.

* * *

Покрыты сплавом берега реки.
Над омутами наклонились ели,
И устилают илистые мели
Тяжелые тупые топляки.
А мы-то шли сюда издалека,
А как мы об ушице-то мечтали...
Напрасно только счасти размотали
Да натаскали дров для костерка.
И кто сказал, что рыба здесь берет?!

Пришла пора подсчитывать потери:
Повывелись доверчивые звери,
Вот так и до людей дойдет черед.
Но я сейчас живу другой бедой,
И долгими дорожными часами
Все та река стоит перед глазами,
Как в страшной сказке, с мертвою водой.

* * *

B. Сергееву

Брали ягоду, рыбачили,
Чай варили на костре.
Жить, по сути, только начали,
Глядь — и осень на дворе.
Частый дождик хорохорится
Все залить в один присест.
А, представь себе, не хочется
Уезжать из этих мест.
Лес, пока кормил морошкою,
Был нам дорог, как никто.
А теперь дружка хорошего
Так и бросим без пальто?
Речка почевала рыбью,
Словно ласковая мать.

А теперь сказать спасибо ей
Да и удочки смотать?
Разве бросишь друга в горести,
В непогоду, в черный час?
Это было б не по совести.
Не в обычاء у нас.

* * *

Без заботы жилось, без печали,
Все безоблачно было в судьбе.
Нам другие порою прощали
То, чего не прощали себе:
И забытое слово привета,
И забытую скорбную дверь,
Письма срочные без ответа...
А теперь, а теперь, а теперь
Что за голову браться руками?
Все не выправишь наверняка...
Обнажает подводные камни
Жизни тающая река.

* * *

Опять,
Опять весну припомнил прежнюю!
Ночные тропы, тишину — опять...
Но все труднее стало жить надеждою
И самому надежды подавать.

Припомнил дом с цветущею рябиною,
Припомнил все, что позабыл навек...
Дыши, дыши на уголек рубиновый,
На уголек надежды,
Человек!

* * *

Она давно живет одна.
Помолится неслышно богу —
И смотрит, смотрит из окна
На онемелую дорогу.
Надеялась — не дождалась.
Пережила какие грозы!
...Четыре года кровь лилась,
И тридцать лет, как льются слезы.

* * *

Полузабытой дорогой неспешно шагаю,
Топаю тихо на дальний мерцающий свет
Мимо деревни, названья которой не знаю,
Мимо ручья, у которого имени нет.
Что-то не слышно собачьего звонкого лая,
Что-то не видно привязанных в поле телят.
Значит, деревня, как многие здесь, нежилая —
Вон лопухи в огородах какие торчат!
Слышал, раскольники здесь поселились
когда-то,
И коренились, и каждый мужик был угрем.
Жили прижимисто, круто, зато и богато;
К ним поученья писал протопоп Аввакум.
Миром сводили леса под свои огороды,
Под сенокосы и пашню, работка — воловьей
под стать!
Нет, для крестьян не случаются легкие годы,
Даром земля не накормит, хотя и кормилица-
мать.
Нет уж давно тех, что крепко держались
раскола.
Здешний погост — он в малине, в смородине
весь...

А у потомков закончена средняя школа,
Всюду их встретишь, но только, пожалуй,
не здесь,
Где ни веселых детей, ни собачьего лая...
Топаю дальше на дальний мерцающий свет
Мимо деревни, названья которой не знаю,
Мимо ручья, у которого имени нет.

* * *

Постой же! Погляди сюда —
Теней густые невода
От елей темных вдоль пруда
Легли, не замутили воду;
И день сошел по небосводу,
И вышла первая звезда
Светлей, приветней, чем окно,
Что другом другу зажжено
На бездорожье, где темно,
Где осень заменила лето...
Но сердцу, видимо, и это
Не все равно... не все равно...

* * *

Душа, словно птица, пуглива.
Не целые дни напролет,
А вечером здесь, у обрыва,
Короткое время поет.
Единственно, бедная, рада,
Забыв про еду и питье,
Что скрыто от жадного взгляда
Гнездо потайное ее.
Шумят над землею березы,
Сентябрьский предчувствуют дождь.

И копятся, копятся слезы,
А плачешь — и, значит, живешь.
Душа потому и пуглива,
Что тайно и трудно живет,
Но вечером здесь, у обрыва,
Короткое время поет.

* * *

Дрова подсохли на повети.
Речная выстыла вода.
На добром свете, белом свете
Установились холода.
Не слышно окриков людей.
Видны в окне густые гривы
Подслеповатых лошадей,
А дальше —
Желтые обрывы
Реки.
Пониже, у моста,
Деревня встала тихим чудом.
Забыты богом, но не людом
Мои равнинные места.
С утра хозяйки топят печи
И о погоде речь ведут.
Снега придут — апреля ждут,
А там до лета недалече...
И так всегда.

* * *

Осенняя заря, заря глубокая
Горит и гаснет через полчаса.
И только птаха, птаха одинокая
Пустынныне пронзает небеса.

Ни шороха, ни звука постороннего,
И летние туманы отцвели...
А сколько гроз высоких похоронено
Здесь, под напластованьями земли!
А сколько вдоль дороги пораскидано
И строгих дум, и песен без вина...
Чего родной землей не перевидано,
Чего не переслышала она!
Чего не повидали эти поженки,
Где ивняки толпятся по краям,
Где нежно прилегают подорожники
К неизлечимым рваным колеям.
Но говорить о прожитом не хватит ли?
Порой колюча память, как жнивье.
И разве сын напомнит старой матери
О возрасте и хворости ее?
Усталая, безмолвная, ранимая.
Пусть отдохнет земля моя, пока
Вечерняя заря, заря равнинная
Свой бледный отблеск шлет на облака.

* * *

Да, подошли такие годы —
Стою на новом рубеже.
Еще слежу за сменой моды,
Друзья — бессменные уже.
Еще, с противниками споря,
Взрываюсь! — но на краткий миг...
Взрослеют все-таки от горя,
Не от дебатов или книг.
И я, на сердце чуя стужу,
Не ожидая ясных дней,
Морозом выжатую душу
Оттаиваю меж друзей,
Где пополам у нас, как прежде,

Беда, одежда и еда.
Опять, искрясь, горит надежда,
Как в черной проруби звезда.
И счастья будущего всходы
В душе проклюнулись уже...
Да, подошли такие годы —
Стою на новом рубеже.

* * *

A. Романов

Опять, робея, ухожу под липы,
Где гуще мрак при первой же звезде.
И снова слышу шорохи и всхлипы,
Как, впрочем, бы услышал их везде,
Где б ни остановился в эту пору.
Вдруг вскрикнет птица, страхом пронята!
Но и звериному едва ль доступна взору
Такая ножевая темнота.
О чем в ночи бормочет старый сад?
Какие заклинанья вспоминает?
Все те же ли, что сотни лет назад,
Куда людской не проникает взгляд?
Хочу я знать, чего никто не знает.
О чем над нами шепчутся листы
И так согласно, не по-человечьи?
О, как бы я хотел перевести
Все шорохи осенней темноты
На человечье косное наречье!
Как странен свет надмирного огня!
Ночное дерево вдруг надо мной вздыхает..
Не поняло ли, старое, меня?
Хочу я знать, чего никто не знает.

Лечу, гонимый ветром и судьбою.
Захватывает дух на высоте!
И родина моя передо мною
Во всей ее красе и чистоте.
До самого последнего поклона
Я буду верить в лучшую звезду.
Да, я крылат, крылат, как семя клена,
И я не знаю, где я упаду,
Каким песком мое замоет имя,
Какой меня пургою занесет...
Судьба и ветер...
С ними, только с ними!
Свободный продолжается полет.

* * *

Привык ничего не бояться,
Теперь же уверился сам:
Чем людям иным доверяться,
Так лучше довериться снам.
У нас продубленные шкуры,
Но там не возьмешь кулаком,
Где только широкой натуры
И ждут-поджидают тайком.
Похвальна привычка к размаху,
Но правда в пословице есть:
«Не бойся, дружок, за рубаху,
А бойся за совесть и честь».
Усваивай эти понятия,
Живи и здоровайся так,
Чтоб в руку тебе при пожатьи
Не положили пятак.

* * *

За озеро кануло солнце,
И там задымилась вода.
В мое слуховое оконце
Младенчески смотрит звезда.

Громов реактивных пониже
Она опустилась, дрожа.
К седым деревенькам поближе
Ее потянулась душа.

Не надо бояться, родная!
Ну что ты, ну что ты, ну что...
Садись-ка на крышу сарая,
Тебя не обидит никто.

Ведь наши привычные люди
Живут не хватаючи звезд,
Зато тебя утром разбудит
Веселый рябиновый дрозд.

Не тронут тебя самолеты,
Они не касаются крыш.
Ну что ты, ну что ты, ну что ты
Младенчески в душу глядишь?

* * *

Памяти отца

Все увидел: и горе, и негу,
И поминки, и свадебный бал.
И бродил я по первому снегу,
И цветы луговые сминал.
Было все: и пунцовые дали,
И ветров недорезанных рев.

Нас, мальчишек, отцы подымали.
Нынче мы
Опускаем
Отцов.
Но, сутуля мосластые плечи,
Все равно подымаем лицо,
Потому что навстречу, навстречу
Наши дети бегут на крыльцо.
И при этом — да что многословить!—
Всяк о жизни подумает сам,
Чтобы детям ее уготовить
Лучше,
Чем уготована нам.

* * *

Уходят последние льдины,
Тонеют, темнеют они.
Как, помнится, были любими
Вот эти предмайские дни!
Как весело было на воле,
Особенно нам, ребятне!
И лес, и речонка, и поле
В сиреневом плыли огне.
Но, видно, минувшие годы
Разбили краску в крови:
Все глупе для нас ледоходы,
Все реже для нас соловьи.
Застойные реки не льются,
Болотам и клюкве конец.
И ласточки что-то не выются
У наших богатых крылец.
Мы многое в жизни умеем,
Но не понимаем подчас,
Что с реками вместе мелеют
И души, и мысли у нас.

Вослед упывающим льдинам
— Спасибо! — кричу, повторя,
Что все же не хлебом единым
Жива и душа, и земля.

* * *

Сосновый лес —
Без края и конца.
Угрюмый край —
Ни огонька, ни звука.
И только месяц
Смотрит в пол-лица
На то крыльцо,
Где началась разлука.
И только месяц
Смотрит в пол-лица,
И только я
Гляжу вполоборота
На домик тот,
Где нынче у крыльца
Пришли ко мне
Тревога и забота.
Прощай, прощай!
Наверно, спиши уже...
На столике
Разложены заколки.
А у меня тревожно на душе,
Как будто рядом где-то
Рыщут волки.
Прощай, прощай...
Предчувствия томят!
Все на разлуку вечную похоже...
И твой ночной,
И твой недолгий взгляд
Припомнился —

Мороз прошел по коже.
С дерев летит
Неслышная пыльца,
А сердце замирает —
Просто мука!
И только месяц
Смотрит в пол-лица
На то крыльцо,
Где началась разлука.

* * *

Подумаю я о покое —
И летние вспомню деньки,
И зыбкое небо ночное,
И как на стекло ветровое
Метелью неслись мотыльки.

И долго мы ночью катились,
И только невольно дивились,
Когда из чащоб, как из гроз,
Взлетали и чисто светились
Безмолвные стрелы берез.

* * *

Бабочка уснула за окном.
Может быть, и мы дела забросим?
Милая, давай-ка отдохнем,
Самовар поставим... Что нам в том,
Что отныне наступила осень.

Что нам в том, что отошли цветы,
И скворцы про нас забыли дружно,
От гостей все комнаты пусты...

Двое нас осталось — я и ты.
Мне для счастья большего не нужно.

Ничего, что крутит ветровей
И листвой засыпана терраса.
Глянь же на меня повеселей!

Что же ты молчишь, мой соловей?
Не в отлет ли тоже собралася?

* * *

На вокзале рванула гармошка.
Не стерпела душа игрока!
И метнулась бродячая кошка —
До чего же худые бока!
Да еще ей добавили ходу
Сапожищем у самых дверей...
Люди ценят, конечно, свободу,
Только не для домашних зверей.
Я людей таких не уважаю.
Потому, может, в тысячный раз
Снова из дома я уезжаю,
Сам не зная куда и катаясь.
Что с оседлой Россиею сталося?
Делу вышел такой оборот:
Где и дерево не приживалось,
Там теперь человек проживет.
Гармонист заиграл незнакомо.
И с чего бы такая печаль?
Тяжело выворачивать корни
Или попросту матери жаль?
Сыпани веселее, гармошка,
Что-нибудь вологодское там!
На вокзале побитая кошка
Снова жмется к чужим сапогам.

* * *

О чудо, с легкостью какою
Закладывают виражи
Над вечереющей рекою
Сиюминутные стрижи!

И только этой стае быстрой
В одно мгновение дано
Соединять свой берег мглистый
Со светлым берегом в одно...

* * *

И до скромного юбилея
Очень трудно дожить, не болея.
Вот и я заболел, да некстати —
Разве можно валяться в кровати,
Если все зацвело и запело,
Принялись даже птахи за дело,
Трясогузка, наверное, лед
Перламутровым хвостиком бьёт?..
Нет, не стану валяться в постели,
И пилюли уже надоели!
Говорят, что нужен покой,
Но — поймите же! — не такой,
А покой на горе, у реки,
Там, где льдины — вперегонки.
Исцеленье доверить хочу
Птицам, солнечному лучу.
Даже травка встает на лугу.
Я ль не встану, я ль не смогу?

* * *

На рыбалке лицо задубело,
Но улыбкою озарено.
Это чисто мужицкое дело —
Бить блесной об озерное дно!
И сижу я счастливый, как олух,
И хлебаю уху за троих
Из твоих приглубинных, тяжелых
Окуней заржавелых твоих.
А пока над ухой, как над нивой,
Я склоняюсь, хваля горбачей,
Засыпаешь, хозяин счастливый,
Об одном сапоге у дверей.
Но хозяйка тебя разувает,
Тормошит, к самовару ведет.
И котище под лавкой зевает
И хозяину славу поет!

* * *

Бросить бы весла — и по течению.
Пусть убаюкивает река.
Лодка скользила бы тихой тенью,
Вроде березового листка.
Мимо кувшинок мраморно-белых,
Мимо осанистого села,
Мимо бы рыбаков онемелых
Лодка плыла и плыла.
Села бы верткая трясогузка:
Что, мол, разлегся, байбак?
Я бы ответил просто и грустно:
«Да вот... отдыхаю так».
И улетела бы умная птичка,
Растаяла, яко дым.
Это у птиц такая привычка —

Не надо мешать другим.
Лодка скользила бы тихой тенью,
А ночевал бы в стогу.
Бросить бы весла — и по течению...
Да якорь мой на берегу.

* * *

Люди вынули зимние рамы.
Нету сна никому от грачей.
И, наверное, дома у мамы
Под порожек пробился ручей.
И, наверное, маме не спится,
Ночь подходит уже под конец...
Если спится, то что же ей снится?
Хорошо б, не покойный отец,
Хорошо б, не беспутные дети...
Одного только хочется мне,
Чтоб подумалось ей на рассвете
О грядущем сегодня письме,
Чтобы не было ей одиноко.
И, участие к ней сохраняя,
Я хочу, чтоб у маминых окон
Кто-нибудь постоял за меня.
Дорогая моя, золотая,
Были б крылья — к тебе прилетел
Вслед за этой грачиною стаей
От бесконниц, от книжек и дел.
Но не в слове тебе утешенье...
Надо просто приехать, обнять,
И попробовать с чаем варенье,
Двор весенний расчистить опять.
Как бы птицы тогда ни кричали —
Сны бы светлые жили в избе...
А пока мне не спится ночами...
Как-то, милая, спится тебе?

* * *

Мне тяжело,
Когда, верно привычке,
Вокруг снует
Холодное жулье
И подбирает
Разные отмычки
К моей душе,
Чтобы взломать ее.
Мне тяжело,
И я спешу забыться
В кругу друзей,
Под сенью чьих-то крыш.
Мне тяжело,
И я спешу забыться
В лесную глуши
И полевую тишину.
Мне тяжело,
Я головой качаю,
Когда, домой придя
Издалека,
Все реже я
У милой замечаю
Улыбку,
Словно вспышку маяка.
Мне тяжело,
И я спешу на волю
С единственным желанием —
Скорей!
Как птица к небу
И как пахарь к полю,
Так я
Привязан к родине своей.
И не бывает
Счастья в одиночку,
Куда бы за ним

Ни ехал далеко.
Пора смириться
И поставить точку:
Мне тяжело...
Ну а кому легко?

* * *

Вадиму Кузнецову

Столько зелени на островах,
Все так ягодно, рыбно и ново,
Что посмотришь и вымолвишь: «Ах!» —
И добавишь веселое слово.
Сам, бывало, большой говорун,
Убегу от ребячего крика
И верхом оседлаю валун,
Что замшел, как столетний владыка.
Погляжу на родные края,
Где в березах наметилась просинь.
Вижу лето из августа я,
Вижу я и заветную осень.
До чего хорошо на земле!
Жил бы вечно, всему удивляясь,
В бескорыстном купаясь тепле,
Бескорыстной водой умываясь,
Собирая чернику в лесах,
Окунишek пугая негрозно...
Но посмотришь и вымолвишь: «Ах» —
Как все просто и как невозможно.

* * *

Опять слышны вблизи и вдалеке
Рыбацкие простуженные глотки.
Вот-вот взревут моторы на реке
И в озеро уйдут рыбачьи лодки.

Пока не встали бабы у шестков,
Пока они не тронули ухвата,
На рыбники уже у мужиков
По щуке, по две схвачено на брата.
И полный газ! И к берегу! Домой!
И знают все, довольные заране,
Что пироги — они само собой,
Но прежде веник ахнет в русской бане.
И стар, и млад выходят их встречать,
Уже дымятся бани вдоль угора.
И с рыбиной на килограммов пять
Спешит домой инспектор рыбнадзора.

* * *

С утра на льду торчит тулуп.
Внутри тулупа полуторуп,
Что не мигая, как йог,
Весь день глядит на поплавок.
Но вот поклевка!
Не спеша
Он тащит тошного ерша
И говорит, скрывая дрожь:
— Хоро-ош!..

* * *

Проснулся на раннем рассвете
В какой-то дыре, в конуре.
Еще за окошками лето,
Но осень на календаре.

Гудки полетели с вокзала
От разных железных систем.
Ох, рано ты, солнышко, встало,

Куда торопиться, зачем?
Объявят по радио: «Восемь»,—
И мне на работу. А ты?
Куда же ты, глядя на осень,
Где тучи толсты и густы?
Представиши — и холод по коже!
Хотя, напрямик говоря,
И лето-то выдалось — тоже...
И дожили до сентября!

Но вот, отмывая дремоту,
Я лезу под кран с головой.
И все. Ухожу на работу.
На время прощаюсь с тобой.

* * *

Среди разгула и разбоя,
Обмана и борьбы за власть,
Держи на памяти такое,
Что выручит, не даст пропасть.

Пускай душа зайдется в крике,
Но отложи пока перо
И вспомни о лесной бруснике,
О том, как было все добро.

Припоминая север милый,
Своих товарищей, подруг
Душа воспрянет с новой силой
И разорвет печальный круг.

Сейчас ничто не украшает
Твоей судьбы — и потому
Былое часто утешает,
Давай поклонимся ему.

* * *

Вечеровые птахи отпели.
Тени легли вкось.
И задремал я под шепоты ели...
В детстве малиновом, в колыбели
Мне так легко спалось.

Мама в ночи колыбель качала:
«Спи-ка, сыночек мой...»
Песни текли без конца и начала,
Каждую песню она венчала
Медленным: «О-о-ой...»

Тени по стенам тихо метались,
Лампы огонь гас.
Что же мне снилось, что же мечталось —
В яблоках конь ли, хлеба ли малость?
Разве вспомнишь сейчас.

Маминых песен не помню ни слова,
Только напев живет,
Тот, что сыновним песням основа.

Воспоминаний соломинка снова
Мимо меня плывет.

* * *

Полжизни прожил,
Не умея жить.
Со мной всегда
Семь пятниц на неделе!
Мне предлагаю
Опыт одолжить
Те, что имеют опыт

В этом деле.
Один
Ходить умеет по кривой,
Другой
Полезные знакомства копит...
Но как непросто
Быть самим собой,
Перенимая
Столь холодный опыт.
Запоминаю,
слушаю,
молчу.

Хотя наука
Того поддается.
А сам
Людей чему я научу,
Коль буду пить
Из всякого колодца?
Живая жизнь —
Она не такова!
Она вольна,
Как заовинный ветер!
А опыт виснет,
Словно жернова,
На шее тех,
Кто знает все на свете.
Да и чего
С меня, конечно, взять?
Мне этот опыт
Тягостен и скучен.
Пойду-ка я
Куда-нибудь гулять,
Всему учен,
Но не всему научен.

* * *

Качнулись под крылом деревья
И вот назад, назад пошли.
И ты от жизни повседневной
Оторван вдруг, как от земли.
Глядишь на все заботы нemo.
Сгори они и пропади!
Сейчас с тобою только небо
И осень, осень впереди
С ее красою невеликой,
С неярким солнышком в лесу,
С ее грибами и брусникой
И удочкою на весу.
И там, у тихого теченья,
В зубах травинку теребя,
Ты не ищи ни в чем значенья,
Ищи себя, ищи себя...

* * *

Горька у старика судьбина.
А все проклятая война!
Дала медали, ордена,
Но отняла жену и сына
И навсегда лишила сна.
Выходит ночью на крылечко,
Потом достанет самосад,
И долго дымные колечки
Седыми нимбами стоят.

* * *

Давно ли здесь — скажи на милость —
Сияла жесткая листва,
А как погода изменилась,
Как облетели дерева!
И все, что рдело и сияло,
Чем любовались мы, смеясь,
Теперь и слепо, и устало
Ногами втаптываем в грязь.

* * *

Лепечет дождь
В открытое окно,
Что прокатилось,
Кончилось веселье
И превратилось
Летнее вино
В ненастное
Осеннее похмелье.
Деревья
С непокрытой головой
В мое окно
Заглядывают снова.
И мир живой,
Верней — полуживой
Зовет меня к себе,
Полуживого.
Надену плащ
И кепку натяну,
И с крохотной
Надеждой на спасенье
Уеду в бор
И встану под сосну,
Как верующий

Под благословенье.
Да,
В мире все живут своей бедой —
Открытие,
Что сделано не нами.
Лесные раны
Залиты смолой,
Людские раны
Залиты слезами.
И даже здесь,
В протяжной тишине,
Осевшей на брусничники
И хвою,
Деревьев дрожь
Напоминает мне
О ветре
Над моей головою...

* * *

Г. Горбовскому

Подвигаюсь к вечному порогу.
До чего ж не хочется идти!
Только как забыть про ту дорогу
Или сбиться где-нибудь в пути?
Постою у теплых сосен сада,
Он полдневной напоен смолой.
Постою... А ведь идти-то надо.
До свиданья, друг столетний мой!
Посмотрю на голубую иву.
Солнце ей оплавило края!
Что бы раньше подивиться диву...
До свиданья, милая моя.
Реченька родная, до свиданья!
Я не ставил невода по дну.
Может быть, водицы на прощанье

Мне наплещешь пригоршню одну?
Так я все люблю! И даже жутко,
Что в последний раз отметит взгляд,
Как в сырой канаве незабудки
Рядом с маргаритками стоят.
И всему земному мирозданью,
Где цветет и золотится май,
Каждый день шепчу я: «До свиданья...»
Каждый день боюсь сказать: «Прощай...»

* * *

В. Горынцеву

Темна осенняя вода.
Пусты осенние боры.
Никто не ставит невода.
Никто не правит топоры.
Лишь перекликнутся — «Ay!»—
Нахохленные грибники.
Но сколь ни вороши траву,
А отошли боровики.
Что говорить — боровики...
Взгляни на ближнее село:
Его гулянья у реки,
Костры, нарядные платки,
Ну, словом, красные деньки —
Все миновало, отшло.
Придет угрюмая зима,
Когда не выйдешь из ворот.
По брови занесет дома,
С ума метелями сведет.
И пусть уже пусты боры,
И пусть вода в реке темна,
Однако с утренней поры
Уйду из дома допоздна.

И пусть последний боровик,
И пусть последний окунек
Продлит на миг, еще на миг
Осенний срок, последний срок.

* * *

Небеса с одной-единой тучкой,
Как я ждал погожего денька!
Сгрудились опята тесной кучкой
На покатой лысине пенька.
Отварю в водице подсоленной,
Угощу домашних, воротясь.
В тишине прохладной, просмоленной
Пошатаюсь, как удельный князь.
В этих чистых елках и осинах
Среднерусский, нестеровский вид;
Пауки летят на паутинах,
И листва багряная летит.
Шают кроны в шелесте и шуме...
На душе в такие вечера
Нету места одинокой думе,
Что придет угрюмая пора,
Что притихнет скоро дикий голубь
Над моим дощатым чердаком,
Что во льду едва прорубишь прорубь,
Как метель залижет языком.
Это после... А пока прогнозы
Нам пророчат счастье и покой,
И плывут упругие стрекозы
Над похолодалою водой.
С каждым днем быстрее под закаты
Стаями уходят журавли,
И сверкают листья, как заплаты
На сиротском платьице земли.

* * *

Сближаем страны и народы,
Пускаем шахты и заводы,
Перепахали целину...
А где-нибудь в поселке Устье
Такое встретишь захолустье,
Что просто скажешь: «Ну и ну!»
В кирзу обутая девчонка,
Всегда закрытая лавчонка,
И гам, и пиво у ларька,
Ползет сельповская телега,
Возница сед, лошадка пега,
И пахнет дождиком...
Тоска!
Спустись к реке,
Где волны пляшут
И где удилищами машут
Ребята с раннего утра.
И там, под побережной кручиной
Ты вдруг поймешь, что все же лучше
Тебе живется, чем вчера.
Ведь это так неповторимо,
Когда и пароходы мимо
И мимо все грузовики.
И волны плещут в желтой пене,
И, как цыгане при обмене,
Руками машут мужики.
Какая русская картина!
Вот на паром взошел детина,
Присвистнул,
Грохнул каблуком! —
И отвалил паром могучий...
И девушка махала с кручи
Детине славному платком.
У каждого свои заботы,
Свои по жизни повороты,

Своя любовь, свое крыльцо.
Но в эту жизнь взглянуть надо,
И это высшая награда —
Глядеть открыто ей в лицо.

* * *

И хотел бы в деревню родную,
Да пустили ее на распил.
И хотел бы запеть удалую,
Да старинный мотив позабыл.
Голо все, словно после набега
Золотой зачумленной орды.
Лишь былинка торчит из-под снега
Там, где прежде стояли сады.
Только ветер гуляет над полем,
Закатившийся в наши края.
Он, конечно, судьбою доволен,
Бездомовый, как, впрочем, и я.
Мне бы тоже за ветром умчаться,
Бросить эти края — и умчать!
Чем былинкой над снегом качаться,
Чем пеньком на дороге торчать.
Только сердце навеки пристыло
К той земле, что магниту сродни,
Где и летом нечасто гостило
Красно солнце в холодные дни,
Где теперь заметает дороги —
Скоро будет совсем не пройти! —
И откуда застывшие ноги
Все не могут меня унести...

* * *

В старинном прионежском городе,
Где мог бы чудом стать трамвай,
Сидим не в голоде, а в холодах.
Печей не топят: как же! — май.
И что за май! Цветет черемуха,
И холод нижет до костей,
Как будто с ледяного омута
Летел сюда встречать гостей.
А мы туда и собираемся
За окуньком да за ельцом.
Табачным дымом согреваемся,
А кто желает — и пивцом.
Ну что, поехали? Поехали!
Простуду привезем легко!
А мы со смехом и помехами.
Но все же вышли в озерко
И встали на заветном омуте...
Тут ветер стих как на заказ,
И облака лесной черемухи
Со всех сторон теснили нас.
И мы заметили, заметили,
Как там, приветствуя народ,
За облаками-то за этими
И наше солнышко встает.

* * *

Ах, милая моя! Да я бы,
Будь рыцарем — не мужиком,
То посвящал тебе не ямбы,
Жизнь посвятил бы целиком.

Однако жизнь такая штука,
Ее на все хватить должно:

Работа, заседанья, скука,
Друзья, приятели, вино.

Моя нескромная особа
Немного б стоила, когда
Не эта каторга до гроба
Порою сладкого труда.

Но вижу — ты уже в обиде,
Что я не безраздельно твой,
И даже в неспортивном виде
Являюсь иногда домой.

Не ахаю, а что тут ахать!
И ты не ахай — постынь!
Конечно, жизнь моя не сахар,
А без тебя была б — полынь.

И потому давай не будем
Корить друг друга напоказ
И делать жизнь веселой людям,
Которым весело без нас.

* * *

— Начнем,— умолял я,— сначала! —
Оставим,— просил я,— раздор!
Она, помолчав, отвечала,
Безжалостен был приговор.
— Забудь про минувшее лето
И больше меня не тревожь!
— Ну что ж,— отвечал я на это.
И, дверь прикрывая: — Ну что ж...
Но тут же и стыд и досада
Нахлынули в резкой тиши,
И горечь осеннего сада

Ложилась на горечь души.
И вдруг полетели виденья:
Счастливые он и она...
О, как я хотел пробужденья
От жизни, от страшного сна!
Да что тут на жизнь обижаться,
Одно оставалось опять:
Иль сила — от слез удержаться,
Иль мужество — их не сдержать.

* * *

Здесь ты жила. Вот здесь росли цветы,
Где нынче лебеда с чертополохом.
Я часто вспоминал наш дом со вздохом
И наши ночи вспоминал...
А ты?
Вернулся я. Лишь галка на трубе
Меня своим приветствовала криком.
И в этом запустении великом
Особо стало вдруг не по себе.
Сиреневые тощие кусты...
Давно ль, давно ль, полны красы и силы,
Такие гроздья к окнам подносили,
Что я пьянял от запаха!
А ты?
Да и зачем мне душу бередить
И в комнаты входить совсем нагие?
Дом спит в какой-то странной летаргии,
Мне одному его не разбудить.
Зато проснулись прежние мечты,
Те, что, казалось, в сердце потонули.
Давно, давно они меня тянули.
Сюда прийти! И я пришел...
А ты?

* * *

От снов о тебе и бессонниц
Избавлюсь,— наступит же срок!
Достаточно я из оконец
Высматривал синий платок.
На память наложено вето,
Но трудно с ней сладить, когда
Приходит июньское лето,
Спадает большая вода.
И снова ко мне на ступени
Ложатся, прохлады полны,
Полудня чеканные тени,
Пущистые тени луны.
И песня рассветная птахи,
Столь нежная, прежняя столь,
Приносит неясные страхи,
И слово, и слезы, и боль.
В такие часы я не знаю,
Зачем на реку ухожу
И на воду ветви бросаю,
И вниз по теченью гляжу...

* * *

Ушла жена от мужика.
Встречаются молодки!
И вот один,
И вот тоска,
И вот бутылка водки.
Потом пошел трясти деньгой
Направо и налево.
Он бабы не хотел другой,
Его
Святое дело.
Потом покинул свой приют,

Ища приюта в мире,
Когда уже в глаза плюют
Соседи по квартире.
А он угрюм,
А он молчит,
Потухла папироса.
Лишь собутыльникам ворчит:
«С откоса
Так с откоса...»
И что ему двадцатый век,
Печатная бумага!
Вот погибает человек,
Обычный работяга.
И как помочь?
И чем помочь?
Он допивает водку
И тяжело уходит в ночь
Поспать
В чужую лодку.
Он спит там
Или же не спит,
Кто в этом разберется?
Дрожит звезда его,
Дрожит,
Того гляди
Сорвется...

* * *

Породистые — не подыщешь слова!
Как объясняют конюхи — кровя...
Наверно, родословная иного
Древней, чем родословная моя.
Они приходу нашему не рады,
Косят глазами, шею гнут дугой.
У них у всех медали и награды,

А у меня ни той и ни другой.
Но я просил бы их не задаваться!
Я видывал получше жеребцов.
Мне приходилось с ними вместе браться
За воз один, но с двух его концов.
Они, конечно, были поскромнее,
Простые работяги, а не львы.
Они стирали хомутами шеи
Лиши для того, чтоб сыты были вы.
И потому — прощайте, дорогие! —
Прижмите ваши пышные хвосты.
Нам и лошадки дороги другие,
Да и свое понятье красоты.

* * *

На таежной станции цыгане
Закатились табором в вагон.
Сразу, как в вечернем ресторане,
Шум и гам пошел со всех сторон.
Да, народец пестрый, даже странный...
Непонятно, где зимует он?
Пролетело полдесятка станций —
Покидают табором вагон.
И опять палатки ставят в поле,
Где-нибудь повыше, над рекой...
Что у них за тяга к дикой воле?
Мы давно забыли о такой.

* * *

Над рекой слоистые туманы.
Катер часто подает гудки
Лодочки качаются за нами,
Доньями скребутся о пески.

Близкою черемухою тянет...
Берег милый, родина моя!
Соловей раскатится — и станет...
Слышу только сердце соловья.
Птака ведь, а тоже просит ласки
И от самой малой входит в дрожь.
И стоишь, мужик, и веришь в сказки,
Что на первой пристани сойдешь.
Но едва причаливает катер,
Блажи той уже в помине нет.
Лучше не смотреть на дебаркадер —
До конечной пристани билет.

* * *

Гармоники разгульно пели
На Троицу и на Ильин.
И кони празднично храпели
Все в новой сбруе как один.
Бывало страшновато, в общем,
Среди подвыпивших ребят,
Среди разгульных поножовщин,
Когда сходились ряд на ряд.
Тут каждый пил и завирался
Во что горазд, насколько мог.
Тут с перепугу заливался
Родной милиции свисток,
На памяти все это было,
Быльем с годами поросло
Все, что гуляло и грубило,
И сапогами пыль мело.
Те времена прошли глухие,
Но встрепенется в сердце кровь —
И песни старые, лихие
Сижу и напеваю вновь.

Понятно мне: иное время,
Иная музыка гремит.
Но та живет во мне, как семя
В земле, что больше не родит.

* * *

* * *

Опять взошла, взошла звезда вечерняя
И под крыло взяла мои края.
До станции какого назначения
Летит без остановки жизнь моя?
Друзья мои, до шуток ли, до смеха ли?
Подсчитывать пора — и не рубли...
Учебники прошли и жизнь — проехали,
Так что же мы в итоге привезли?
В пыли дорожной годы наши таяли,
И без ответа на устах немых:
Когда и где нас девушки оставили?
Когда и где мы оставляли их?
С какой поры отстали песни бойкие,
С какой поры негромкие поем,
И жесткими довольствуемся койками,
И малым согреваемся теплом?
С какой поры над этими равнинами,
Как жаворонок, плещется душа,
Над этими сырьми яровинами,
Над этим костерком у шалаша?
Забылися былье потрясения,
Но пред глазами все стоит ольха,
Что рада бы от паводка весеннего
Чуть отступить, подальше от греха.
Она стоит у самого течения,
Ей moet корни чистая струя.
И всходит над ольхой звезда вечерняя
И под крыло берет мои края.

Передо мною
Чистая страница,
Но не свяжу в волнении
Двух слов.
Давно все спят,
И только мне не спится:
Мой час настал —
И это ноль часов.
Едва глаза,
Как чуткий зверь, прикрою,
Опять угрюм
Встаю из-за стола.
Да,
Черный день сегодня прожит мною...
Так, может, ночка
Выпадет светла?
В который раз
Испытываю муку,
Кляну себя
Во слабости своей,
Что снова
Не тому я подал руку,
Кто в этот миг
Нуждался, может, в ней.
Не надо встреч
С ветхозаветным адом,
Довольно вспомнить
О минувшем дне...
Мне показалось,
Промелькнули рядом
Твои глаза
В автобусном окне,
Они глядели
С тайной укоризной...
И вспомнил я

Забытый мною кров!
И снова день
Заканчиваю тризной,
Заканчиваю тризной
В ноль часов.
Мне жизнь не льет
За воротник елею!
Но, подчиняясь здравому уму,
Я на ошибках собственных
Взрослею,
Чужие
Не научат ничему.
Дневная
Перевернута страница,
Мрак заоконный
Искрна-лилов.
Давно все спят,
И только мне не спится:
Мне дальше жить —
И жить с ноля часов.

* * *

Снова на родимой стороне.
Снова я у мамы, да у печки,
Да в лесу, да в поле, да на речке...
Больше ничего не надо мне.
Разве окунишек на уху
Да грибов каких-нибудь десяток.
Каждому скажу как на духу —
Вот и весь и хлеб мой, и достаток.
Снова тропы старые торю,
Молодые годы вспоминаю
С ощущением жизни на краю,
И не видно ни конца ни краю...

* * *

Чего я желаю, кроме
Как письма писать отцу
Да жить преспокойно в доме,
Четыре окна по лицу.
Другое выходит на деле,
На деле выходит не то:
Дорожныеечно недели,
Помятоеечно пальто.
Достаточно времени, кроме
Как письма писать отцу
Да прописаться в доме,
Четыре окна по лицу.

* * *

Дождь полуночный, дождь колыбельный...
Оттого-то дожди хороши,
Что на палубе нет корабельной
Ни одной подгулявшей души.
Не заводят «Амурские волны»,
И забортные еле слышны.
Захотелось не хлеба, а воли,
Одиночества и тишины.
Разве радости этой не стою?
И попробуй-ка тут не устать
Межу небом плутать и землею,
Меж судьбой и желаньем плутать.
Сколько мной недоделано дела,
Недовитых оставлено гнезд!
Но не вся еще жизнь пролетела
И не все же в ней наперехлест!
И в какой-то момент запредельный
Вдруг сольются тоска и покой,
Как сливаются дождь колыбельный
С темной настороженной рекой.

* * *

Постою иногда
У развернутой карты Союза,
Посмотрю я на россыпь
Столиц ее и городков.
Не забыли ли мы,
Моя редкогостящая музा,
Сколько всюду живет
Уважающих нас мужиков?
С кем и перед стипендией
Вместе жевали черняшку,
С кем и после стипендии
Мутное пили вино,
Где любой надевал
Самолучшую друга рубашку,
Если сам уходил
Со столичной девчонкой в кино.
Наша юность росла
Под рубцовской звездой полевою,
Что светила призываю
Для вечно блуждающих нас.
Только каждый рожден
Под своею заветной звездою,
И у каждого свой
На работу нацелен компас.
Пусть не станут для нас
Маяками созвездья чужие,
И пускай новый друг
В сердце старого не заслонит.
Мужики дорожат
Тем, чем в молодости дорожили,
В сердце нет у них места
Для пустопорожних обид.
Уважаю врага
За приверженность к дружеским узам,
Уважаю зверье

За приверженность к стае своей.
Только верность одну
Не балластом считаю, а грузом,
С нею буду я жив
Даже и по скончании дней.

* * *

Стоит июль. Стоит жара.
Колодец есть, но нет ведра.
И, значит, воду каждый дом
Здесь достает своим ведром.

А это значит — много лет
Здесь мира не было и нет.
Недаром на дверях замки,
Собак железные клыки.

Недаром дети на привет
Глядят испуганно вослед.
Здесь пахнет все недаром
Поджогом и пожаром!
Недолго до беды...

Не надо нам воды.

* * *

Такое дождливое лето,
Какого не помнят давно:
Ни солнышком не обогрето,
Ни ягодою не красно.

Одно остается — работа,
Всегда остается одно.

Забудешься — и неохота
Глядеть понапрасну в окно.

С вестями не ждешь почтальона,
Какой по дождю почтальон!
А песня дождя монотона,
Наводит на дрему и сон.

Притихли деревня и поле.
Мир холоден, черен и гол.
Какой-нибудь пьяница, что ли,
По улице с песней прошел!

И странное чувство такое
Преследует душу, как бред:
Среди тишины и покоя
Как раз вот покоя и нет.

ХУДОЖНИКУ МИХАИЛУ БРАГИНУ

Ах, эта жизнь — гори она огнем!
Давай, мой друг, махнем куда попало,
Давай вдвоем немного отдохнем...
Мы столько были под людским судом,
Что вышнего бояться не пристало.
Да только ли в багетах золотых
Возможно счастье? Нет, оно повсюду:
Меж елей, темнотою налитых,
В морозах, что захватывают дых,
В любом цветке, уже подобном чуду.
Поехали! Не все ли нам равно...
Куда-нибудь в деревню, недалече,
Где не горчит, а радует вино,
Где не гремят под вечер в домино,
Где умных лиц не делают при встрече.
Осточертели вечные ханжи,

Что взглядами, как банными листами,
Картины облепили, витражи;
И обленили слово ржавью лжи;
И преуспели в том, и не устали.
А мы от них давай передохнем
Да примемся за старую работу —
Смешаем ночь с быстробегущим днем
И за рога судьбу свою возьмем,
Не погрешив в работе ни на йоту.
Пускай восслед нам слухи заснут,
И каждый будет сплетней приукрашен;
Пускай ханжи нам суд произнесут...
Мы столько раз судимы были тут,
Что божий суд — и то уже не страшен.

* * *

Как морозы землю ни терзали,
Май пришел — поляны расцвели.
Лопухи козырными тузами
Так и прут из матушки-земли!
Так вот и запенилась крапива
И еще до полной темноты,
Чуть ее росою окропило,
Перебила запахом цветы!
Даже мох позеленел на крыше.
Зеленей, родимый, зеленей!
Молодежь весельем так и пышет,
Старики — и те кряхтят бодрей.
Дачные и сельские народы,
Не теряя времени зазря,
Снова потянулись в огороды,
Покатили снова на поля.
Соловьи ночами засвистали
В зарослях дремучей бузины.
Рыбаки удилища достали,

Отложив шарманки до зимы.
Солнцем обогреты все былинки.
На земле такая благодать,
Что поэты, отложив былины,
Начинают лирику писать.
И природа, с осени немая,
Окунувшись в море синевы,
Распевает к середине мая
Голосами речек и листвы.

* * *

Свежеколотые дрова
До чего же ядрено пахнут!
И апрельская синева
Пролилась на каждую плаху.
Вырастай, поленница, с дом,
Чтоб на радость себе и людям!
Будем на зиму мы с теплом,
С жаркой баней на зиму будем!
И у всех окрестных дворов
Поднимаются слева и справа
Вороха березовых дров,
Как мужицкие доблесь и слава.
Даже дедко седой как лунь,
Но и тот над дровами хлопочет.
И не что-нибудь, а колун
Приподнять над чуркою хочет.
— Внуков, внуков-то подожди! —
Старику старуха в окошко.—
К самовару давай иди!
Чай-то силы добавит немножко...

* * *

Долга зима, да перемыкали,
Довольно на сморком болеть!
Уже с глазами непромытыми
По лесу шастает медведь.
Где мы с тобой гуляли, помнится,
До совершенной темноты,
Теперь гуляет половодица
И гнет покорные кусты.
На неудобства я не сетую,
Весна прекрасна без прикрас!
И перейти на форму летнюю
По зайцам выпущен приказ.
Снега с пригорков словно слизаны.
Светлы носы у воробыят.
В углу сарая санки с лыжами
Невиноватые стоят.
Немало мы поленниц ставили
По осени.
Но наконец
Поленницы и те растаяли...
Ну значит все —
Зиме конец!

* * *

Рыбными были реки,
Были леса грибными,
Певчими были птицы,
В чаще таился зверь.
Вы посмотрите, люди,
Что происходит с ними,
Даже не происходит —
Произошло теперь.

Выйдешь ли в рощу — голо,
Выйдешь ли к речке — пусто,
Выйдешь ли в поле — вдруг да
Жаворонки звенят?
Но ни единой песней
Вас не одарит утро.
Дождик прошел, а нету
И луговых опят.

Эй, лесовик из детства
Да с бородой козлиной,
Эй, лесовик богатый,
Где же твоя казна?
Только грибник случайный
Ходит с пустой корзиной,
По миру так ходили
В давние времена.

Только тогда — по градам,
Только тогда — по весям,
Только теперь — по рекам
Да по пустым лесам.
Вот и рыбак без рыбы,
Вот и грибник невесел,
Нечему веселиться...
Не веселюсь и сам.

Хочется земляничный
Кустик найти на кочке,
Только холодным лето
Выдалось, как на грех.
Насобираю шишек —
Все же утеша дочек! —
Все, что отец оставил
Ей от своих утех.

* * *

Не тратя времени без толку —
Мол, не дремли у нас, карась! —
Швырнули в речку столько толу,
Что к небу вылетела грязь!
И вот на берегу трясется,
В улове роясь, гражданин,
И, как за орденом, несется
Его подручный в магазин.
...Любители речной охоты —
Со смиренной удочкой в руке —
Они редки как Дон Кихоты,
Как рыба самая в реке.
Теперь для вящего позора —
Не стыд ли это, черт возьми! —
Заботы рыбохозяйства
Свелись к надзору за людьми:
Но все же мир природы вечен,
И верю я, что в крайний час
Не мы его очеловечим,
А он очеловечит нас.

* * *

Стоит одинокая хата,
Нехитрый рыбачий приют.
Упругие струи заката
Под самую заструху бьют.
А мы веселимся, как дети,
Ломая калачик замка.
Ложимся на ветхой повети
И там задаем храпака.
Устало и накрепко спится,
Нам зорьку бы лишь не проспать.
А в хате вздохнет половица,

Хозяина вспомнив опять,—
Уж тот бы поправил крылечко,
Сменил бы бревенки венца...
А эти nocturne, конечно,
Половят и выпьют винца.
О дальних делах потолкуют
Меж рюмкою и балыком,
Но печку, как мать неродную,
Не повеселят огоньком.
Уедут на буднем рассвете,
Не сняв паутин с потолка...
А мы веселимся, как дети,
Сгибая калачик замка.

* * *

А кто слыхал про Лисью гору?
В моем селе и то не всяк,
О прочих нет и разговору —
Ну кто же знает Лисью гору?!
А я скажу об этом так:
Пускай она не знаменита,
Туристов там в помине нет,
Зато и солнышком повита,
И диким клевером покрыта,
И соснам там по сотне лет.
Сюда в каникульную пору
Мы часто бегали гурьбой,
И все искали без разбору:
Грибы и щавель, лисью нору,
Купались в речке под горой.
А было ль что малины слаще
Или княжицы — вырви глаз!
Сейчас бы снова в эти чащи!
Но, к сожалению, не часты
Отныне праздники для нас.

Пускай не часты — ну и что же! —
Зато свободный выходной
От этого всегда дороже.
Летиши сюда по бездорожью
На Лисью гору, как шальной.
И в час вечерний онемело
Глядишь с вершины на село:
Там солнышко, наверно, село,
Угомонилось все, отпело,
А здесь еще светлым-светло.

* * *

Стужа на душе и непогода,
И ничей не радует привет.
Словно на причале парохода
Ночью ждешь, а парохода нет.
Словно друга лучшего обидел
И в сердцах отправил за порог.
Словно я беду его предвидел
Да предотвратить ее не мог.
Хмуро, зноно, как в сыром подвале!
Но порой полезны сквозняки,
Чтобы живу душу не заткали
Сытого довольства пауки.
И хотя бодришься — экий скептик! —
Все равно болит бессонный дух!
Лишь один спасает антисептик —
Слово,
Слово, сказанное вслух.
Сказанное,
Но не в оправданье,
Не для заполненья пустоты,
Слово,
Что явилось честной данью
Жизни той,
Которой болен ты.

* * *

Сидим, почесываем темя,
Открешиваясь от забот.
Теряем золотое время,
А время знай себе идет.
Дела откладывать на завтра
Мы привыкаем день за днем.
Но вот подступит время жатвы —
И что тогда мы запоем?
Чем будет оправдать беспечность
В делах и помыслах своих?
У мертвых — да — в запасе вечность,
Иные сроки — у живых.
А кажется таким удобным
Твердить, что слава — это дым,
Что не помянут словом добрым,
Как не помянут и худым.
Но нет, наедине с собою
Любого пробивает дрожь.
Когда вечернею порою
Заводит песню молодежь.
А ты как будто подпеваешь
И с хором слиться норовишь,
А сам и слов ее не знаешь
И лишь губами шевелишь...

* * *

Д. А. Ускову

Посреди семейства и родни
Голову-то низко не клони,
Дорогой мой Дмитрий Алексеич!
Посмотри-ка, гости все уселись,
Так, давай, гармошку растяни,
Да споем про яблони и груши,

Про бойцов, шагавших под огнем.
Распотешим песней наши души
И еще по маленькой нальем.
Посмотри-ка на красавиц дочек,
Посмотри-ка на своих парней!
Что же ты еще от жизни хочешь?
А ведь ты немало видел в ней:
Потянул и лямку фронтовую
И ломил в колхозе столь годков...
Вот за что тебя я поцелую,
Я, кто не целует мужиков!
Ничего, что я тебе не ровня
И велик в годах у нас провал.
Я тебя не знал еще,
Не помнил,
Но что есть такие люди —
Знал.

* * *

Как непогода шумит в вершинах!
Гнет над рекой кусты!
Но среди сосен несокрушимых
Несокрушим и ты.
Как не тревожиться в мире тревожном?
Плакать же нет причин.
Вздох человека в шуме таежном
Попросту неразличим.

* * *

Родился мальчионка слабым —
Опечалился отец.
— Не жилец,— решили бабы,
Пожалели,— не жилец...

А ему и горя мало,
Накормили — и сопит.
За него сегодня мама
Не поест и не поспит.
Сколько будет этих ночек
Впереди — не сосчитать!
Сыном вырастет сыночек,
И старухой станет мать.
У него нейдет работа...
Дома чуть ли не развод...
Вновь у матушки забота,
Не поест и не попьет.
На руках старухи внуки,
Два здоровых сорванца.
Над старухой шутят штуки
Пуще мамки и отца.
То-то вырастут «громилы»,
То-то будут молодцы!
А она-то им кроила
Из грошей на леденцы.
Уработалась, пристала,
Подошли к закату дни.
— Всю-то жизнь недосыпала...
Баушка, передохни!
А она с печи бормочет:
— Ноет, батюшко, спина...
Стариковские-то ночи
Стали вовсе безо сна.

* * *

К чему пустые разговоры,
Что денег нету ни гроша,
Что люди — пьяницы и воры,
А ты — открытая душа.
Что на работе подсидели,

Начальство гнет тебя дугой,
Что ты и дышишь еле-еле,
А на курорт летит другой.
Мой милый, что это такое?
Вполне жену твою пойму:
С таким занудой и брюзгою
Легко ли жить в одном дому.
К чему пустые разговоры?
Ты лучше выскажись до дна:
«Хочу иметь златые горы
И реки, полные вина...»

СТИХИ О ЕМЕЛЯХ

Емели оды петь умеют,
Других стихов не признают.
Одну неделю оды мелят,
А во вторую издают.
Пускают розовые трели,
Строчат годами без помех.
Не дураки пошли Емели,
Дурачат сами вся и всех.
Живут, привыкнув к манной каше,
Довольные своим мирком.
А мы на них рукою машем,
Когда бы надо — кулаком!

* * *

Ветер в ивах, ветер на воде,
Ветер колобродит две недели!
А птенец пищит в своем гнезде
Над водою, словно в колыбели...
Смотрит на меня, на рыбака...
Эх, ребята,— вы забота наша!

Мне совсем не жалко червяка,
Что из банки тащит твой папаша.
Я и сам торчу не просто так
И вершу неведомое действие.
Ну какой же буду я рыбак,
Коль ухой не угощу семейство!
И замолк накормленный птенец,
Понял головою полоротой
То, что я, как и его отец,
Занят государственной работой.

РОМАНС О СВЕТЛЫХ НОЧАХ

Белые ночи
Стоят на высоких широтах,
Черные ночи
На нижних широтах лежат.
Здесь же
На наших полях, и лесах, и болотах,
В наших умеренных
Сходятся зори в обхват.
Ночи июньские,
Светлые юности ночи
Снова приходят,
Как многие годы назад.
Пусть для меня они
Стали немного короче,
Но для меня они
Больше чем вам говорят.
Светлые ночи...
И бой соловьиный рекою!
И потому
Так призывно сияет сирень,
Чтобы ее я,
Как раньше, коснулся рукою,
Прежде чем выйти
В протуберанцевый день.

* * *

Ты не думай, что песенка спета,
Отмахни свою челку со лба.
Снова дымными тропами лета
Нас опутывает судьба.
И костры на дорогах разводит,
И следит, чтоб огонь не погас.
И как облако в облако входит,
Так сливаются души у нас.
Ветер дождь перед нами качает,
Но пройдет, погоди, полчаса —
Снова солнышко увенчает
Надо мной и тобой небеса.
А давно ли казалось, что счастье
Нам с тобой не достать, не под стать.
Нам казалось — на птице летящей,
Легче перья пересчитать.
Только дымными тропами лета
Мне уже не расстаться с тобой.
Значит, песенка счастья не спета!
Слышишь — жаворонки над головой...

* * *

Полянка в розовых волнушках,
И я у них на побегушках.

Беру, спины не разгибая,
(Ее на службе так не гнешь!)
Подходит тучка дождевая
И затевает тихий дождь.
Меня погода не тревожит,
Мне одному легко сейчас,
Хотя сановный критик может
Тут усмотреть отрыв от масс.

Однако, если разобраться —
Пускай пример не так уж нов,—
От массы легче оторваться
В толпе, под звон колоколов.
А здесь, почувствовав тревогу
В глухом и неродном бору,
Кричишь: — Ау! Забыл дорогу!
И слышишь отклики: — Ау!
Сидишь под елью, как под крышей,
И осень, словно добрый пес,
С какой-то ласкою неслышной
Все тычет в щеку мокрый нос...

* * *

Осиновые крупные листы
Слетают на разбитую дорогу,
Но небеса светлеют понемногу —
Они ночами, как всегда, чисты.

За окнами уже огонь дрожит.
Такая грязь! — но рою я картошку.
Сосед дает совет — мол, понемножку...
Картошка за тобой не побежит.

Мне спину окатил девятый пот,
А руки ноют — так земля остыла.
Сегодня мне по горло напостила
Пора осенне-полевых работ.

Сейчас бы чаю крепкого глоток!
А вот и мать. И, правда, кличет к чаю...
Устало репродуктор выключаю.
Смятенен сон и часто неглубок.

Во сне дожди протяжны и густы,
Во сне из глины трудно вынуть ногу...
За окнами на вязкую дорогу
Светло летят багряные листы.

* * *

Как он был высокомерен в старье!
Басом разговаривал с народом!
Но поник он, словно календарь
За неделю перед Новым годом.

Не зовут в президиум уже,
Молча лишь приветствуют поклоном,
Будто он в домашнем неглиже
Повстречался бывшим подчиненным.

«Ничего,— бодрится,— ничего...
Мы еще поборемся, и крепко...»
Нынче кресло давит на него,
Как когда-то он давил на кресло.

Всем на свете в жизни обойден:
Дружбою, любовью, красотою,
Этого не понимает он
У пустынной злобы под пятою.

Календарь тончает отрывной,
Но ясны итоговые сметы:
Смерть его обходит стороной,
Жизнь его сторонится, как смерти.

ПАМЯТИ Н. РУБЦОВА

I

Душа поэта всем видна.
И показалась мне она
Сироткой робкой, что одна
В деревне, под дождем, босая,
Дыханьем руки согревая,
Стоит у каждого окна
В простой надежде: кто-нибудь,
Быть может, пустит отдохнуть,
А завтра утром снова в путь...
Куда, зачем, в края какие?
Все вдоль по матушке России
Сквозь день и сквозь ночную жуть.
Пускай порою на нее
Спускали псов, несли вранье
Россия — вот ее жилье!
И после мостовой дороги
Речонка ей плескалась в ноги,
Сушило солнышком рванье.
Душа поэта! Ей бы в скит,
Подальше от людских обид.
Но мне рассудок говорит:
Она б и там все то же пела,
Она б и там за всех болела,
Как на небе за всех болит.

II

Снег летит на храм Софии...
Н. Рубцов

Не нарушим твоей тишины,
Не замутим прозрачной протоки,
Чтобы явственней были слышны
Нам твои голубиные строки.
И грибов твоих не оберем,
И синиц твоих не распугаем.

Дышим дружеским, старым добром
И на новое не уповаляем.
Ты средь этих покатых полей
Жил с душою, что легче котомки.
Чем ты сам становился светлей,
Тем плотней обступали потемки.
Видно, боль наша не отболит,
Хоть и ходим с глазами сухими...

Негасимой свечою стоит
Светлый храм вологодской Софии.

* * *

Выйду в лес осенний до тумана
И сниму кепчиконку с головы.
Ой да не одна сквозная рана
Синевою хлещет из листвы!
Ой да скоро зашумят метели...
Лес привычен к ним. Но жалко птиц,
Певчих, тех, что нынче улетели,
Малых, тех, что нянчил на руках.

* * *

И перед начальством не робею,
И вокруг надежные друзья,
И живу неплохо, как умею...
Только много ли умею я?

И от этой мысли снова сумять
Залетает в душу, как в окно...
Хорошо, коль есть над чем подумать,
Это ведь не каждому дано.

* * *

Минули нас лихие времена.
Нам жить не довелось на белом свете,
Когда дымами стлалась по планете
Та, мировая, горькая война...
Минули нас лихие времена.
О, только бы не омрачались эти!

* * *

Днем солнца нет, а ночью нет луны.
И желтая под фонарями выюга.
Давно не слышно голоса жены,
Давно не видно весточки от друга.

Ты хочешь снова света и тепла?
Тебе уже одной работы мало?
Но жизнь такая у тебя была...
Чего же в ней тебе недоставало?

Не этой ли кромешной кутерьмы,
Чей свист порой закладывает уши...
Куда причудам матушки-зимы
До тех, что позволяют наши души!

Бессонницей глаза воспалены,
И жизнь в тебе,
Как тонкая рябина.
А кто-то смотрит там, со стороны:
Февраль...
Метель...
Обычная картина.

* * *

Дите уснуть не хочет,
Дите не хочет спать.
Поскрипывает очеп,
Подремывает мать.
Храпит отец за дверью...
Зато не дремлет кот,
Ему не спится, зверю,—
Охотиться черед.
Он хвост несет как свечку,
Гуляет не спеша
Да знай косит на печку,
Где я лежу, шурша.
Глаза кошачьи шают,
Как угольки, во тьме,
Мол, что они мешают,
Мышей пугают мне?
Мол, экие напасти!
Придется до поры
Свои упрятать снасти
В пухистые чехлы...

* * *

Таблетками накормлен до отвала.
Куда уж как невеселы дела!
Нередко мне болезнь бои давала,
Но приступом на этот раз пошла.
Унесены женою папиросы,
И запрещен врачами всякий труд.
А тем не стоит задавать вопросы,
Когда они уже не задают.
Не малое дитя, я понимаю...
Но выкарабкаться хочу опять...
И я сейчас такое вспоминаю,

Что вовсе не хотел бы вспоминать.
Да что! Не начинают жизнь сначала,
Когда года, как воды, протекли,
Когда огни последнего причала
Уже мерцают где-то невдали.
Какая уйма времени убита
На пустяки! И вот теперь стою
Не то что у разбитого корыта,
Но чувствую, что не бывать в раю.
А ведь хотелось жить начать сначала,
Сменить давно осточертивший быт!
Но совесть долго мучилась, молчала,
Теперь вот встрепенулась, закричала,
Да кто услышит, кто ее простит...

* * *

Судьба ко мне явила милость
Любить поля твои и тиши.
Но как чудно ты изменилась,
Россия милая!
И лишь
Лесов осеннее сиротство,
Тоска, на лужах дождь рябой,—
Да вот и все, пожалуй, сходство
России новой и былой.

* * *

Уют деревенского крова:
Лежим на просторной печи,
И только за стенкой корова
Протяжно вздыхает в ночи.
И только гудок парохода
Пронзает ненастные сны,

И ветром шумит непогода
И пену сбивает с волны.
Но стены смолистые эти
Да печки жилое тепло
Душе говорят, что на свете
Не все с непогодой прошло.
И друга живое дыханье,
И близкий на окнах рассвет
Упрямо диктуют сознанию,
Что жизнь не окончена, нет!
Что тучи умчатся за ветром,
И выяснит дали мороз,
И выпадет первым приветом
Снег, ясноключий до слез.
Ведь радости же неминучи,
Как вот неминучи пока
И эти простынившие тучи,
И хриплая нота гудка...

* * *

И до сих пор не слаб в коленках,
А раньше, милые друзья,
Как пионер на переменку,
Так выбегал из дома я.
Я знал ответ на все вопросы
Сознания и бытия.
— Не хмурь бровей! Не вешай носа! —
Советовал, бывало, я.
Но время ль сложное настало,
А может, я глупее стал,
Но я слезаю с пьедестала
И ухожу за пьедестал.
Теперь среди забот о быте
Все чаще размышляю я:
По мирной ли летит орбите

Земля зеленая моя?
А что в Америке сказали?
И что у нас произнесли?
Земля летит в слепые дали!
Да не сошла б она с оси!
А если друг светловолосый
Советует от простоты:
— Не хмурь бровей! Не вешай носа!
Я говорю: — Иди-ка ты...

* * *

В лесах разбитые проселки.
Не ходят даже трактора.
По ним гуляют разве волки!
Ноябрь. Угрюмая пора.
Есть, правда, клюква на болоте...
Но мне, бывает, в дровяник
И то порою неохота
Из дома выбежать на миг.
Но погоди, когда пристынет
Да первый выпадет снежок,
Тогда меня и след простынет —
Сию минуту на порог.
А только выйдешь за ворота,
Хоть гимны сразу же строчи:
Сияет на снегу ворона,
Как головешка из печи!

* * *

Снова играет полночная выюга,
Память усталую расшевеля,
Но не сойду я, как думают, с круга,
Рядом со мною родная земля.
Мне возвратятся и чистые слезы

Средь тишиной напоённых полей,
Не возвратятся лишь наши берёзы,
Бабушке не возвратиться моей.
В сердце навечно, как белые храмы,
Эти берёзы стоят у крыльца...
Мне возвратится улыбка мамы,
Мне возвратится голос отца.
Надо ль глядеть в запредельные дали?
С милой землею решую вдвоем:
Если уж молодость переживали,
Старость-то как-нибудь переживем.
Снова играет полночная выюга,
Память усталую расшевеля.
И не схожу я, как думают, с круга,
А возвращаюсь на круги своя.

* * *

Зачем стихи и прозу ссорить?
Ленива и прекрасна Сороть!
Купанье утром — благодать!
Но баночка из-под помады —
Его чернильница — опять
Зовет искать другой отрады.
Какая глупость: «муки слова».
Есть мука автора! — и снова
Закрыт надежно кабинет,
Блистает чистая бумага,
И сладкая щемит отвага...
Его сегодня дома нет.
Он кончил ныне «Годунова»...
Строка последняя готова:
— Благодарю тебя, творец! —
Он безупречен, дерзок, честен,
И грозовым звучит предвестьем:
«Народ безмолвствует.
Конец».

* * *

Средь недописанных строчек
Посередине дня
Что же ты сжалась в комочек,
Бедная совесть моя?
Может, опять проглядили,
Как за пустой суетой
Мимо любви пролетели
Наши недели с тобой?
Что же ты, милая, плачешь?
Плакать еще погодим.
Может, порезала пальчик
Словом недобрый каким?
Слов этих было немало
В прежнее время у нас.
Глупая, все заживало,
Да заживет и сейчас.
Плохо утешил, впрочем...
Но не оставь меня
Средь недописанных строчек
Посередине дня.

* * *

Далекие прощальные зарницы —
То лета уходящего привет...
Над гнездами остуженными птицы
Вчера кружились, а сегодня нет.
Как поглядишь на скошенное поле
Да как примеришь к собственной судьбе! —
И побредешь к соседу поневоле,
Так сделается вдруг не по себе.
За куревом завяжется беседа,
Но говорим несложно, как всегда:
— Пожалуй, до весны не хватит сена...

— Ох, рано задолжило ныне...

— Да...

И замолкаем, словно виноваты,
И хмуро смотрим в щели половиц...
Людей сближают общие утраты,
Как холода сбивают в стаи птиц.

* * *

Надень-ка валенки и белый полушалок,
Пойдем гулять по роще, за реку.
Снежку нападало из тучи обветшалой,
Нападало скрипучего снежку.
Пока в печи потрескивают плахи,
Пойдем смотреть разводья на реке
И воздух пить, что так ядрено пахнет
В поеживающемся сосняке.
И на морозце легком, а не лютом,
Желая удивить собою нас
Проткнет сосёнка неокрепшим клювом,
Как скорлупу, перестоялый наст.
Под гомон в чаще, гомон оголтелый,
Подумается, но не вслух, а всласть:
«А не грачи ли это прилетели,
А не весна ли это началась?»

* * *

За воротник росой кропило.
Часовенки чернела тень.
Признаться, страшновато было
Ломать на кладбище сирень.
Она угарная стояла,
Покачивалась в тишине,
Цветами белыми сгорала

И обжигала руки мне.
А я, немножко вороватый,
Ломал ее совсем не зря,
Влюбленный и невиноватый,
Что там ломаю, где нельзя.

* * *

Никто не умер от письма.
Я тоже не умру.
Давным-давно стоит зима,
Морозно на ветру.
Откуда долетает звон,
Не разберу никак.
Протопал дальше почтальон,
Улыбчивый добряк.
И так сияет вся земля,
Что боже упаси!
Спасибо, милая моя,
Спасибо же, спаси...

* * *

Замечаешь, наше лето стало краше.
Даже ночи стали краше над селом.
Завтра встанем и потопаем пораньше
По малинникам скрипеть перевеслом.
Постарее поищи сегодня платье,
Утром — только засветает — разбужу.
Проведу тебя и пустошью, и гатью,
Не устанешь — и на вырубки свожу.
Там, на вырубках, не выбрана малина,
Вся тяжелая и темная подряд.
Только б головы малина не сморила,
От малины очень головы болят.

Видишь, неба потемнела половина,
А закатная присела полоса.
Надо спать. Пускай приснятся и малина,
И другие остальные чудеса.

* * *

Нарву цветов у старой школы,
Проникнув тихо в палисад,
Хотя и так уж клумбы голы
Стараньем тутовых ребят.
За сотню метров огибая
Все замечающих старух,
У дранью крытого сарая
Переведу спокойно дух.
Предвижу разные вопросы,
В уме ответы затвержу.
На дымные седые росы,
Поеживаясь, погляжу.
И вдруг припомню, как четыре,
А может, пять лет назад
Все так же дергачи частили,
Как и теперь они частят.
И так же холодило дали,
И так же рядышком со мной
Цветы поникшие лежали,
Но сорванные для другой.

* * *

На сходнях старого причала,
Достав из сумочки билет,
Ты милосердно обещала
Со мной увидеться...
Но нет,

Не надо этого свиданья,
Оно — известно наперед —
Как та копейка подаянья,
Что руку нищего прожжет...

* * *

Язык любви, язык цветов,
Забытый людом,
Он, словно легкий шум шагов,
Когда ты ждешь и ждать готов,—
Зовется чудом.
Моя любимая, постой,
Здесь все нам радо.
Войдем же в этот парк пустой,
И здесь на лавочке простой
Спешить не надо.
Пускай проходят облака
В вечернем свете.
На миг да будет жизнь легка,
Светла, чиста, как жизнь цветка
В твоем букете.

* * *

Недалекой бедою грозят лиловатые тучи.
Сводит низкие брови во гневе глухом
небосвод.
А дорога все круче, а дорога все круче
и круче,
Даже скаты дымятся, когда пробуксовка идет.
И река, и леса, и цветастая даль сенокоса
Будут вечно со мной и мое не забудут лицо.
Только ты, только ты, синеглаза и русоволоса,

Не простилась со мной и не вышла за мной
на крыльцо.
Как теперь поглядишься в знакомый ручей
родниковый?
Не остынет лица ослабевшая в лето струя.
Надевай же платок, кем-то за полночь
дареный, новый,
В нем тебя не узнать, не узнал бы, конечно,
и я.
Как теперь ты пройдешь по заросшим
черемухой склонам,
Там, где эхо мое еще плавает между ветвей.
Если речь о судьбе, как о чем-то
предопределенном
То предвижу свою и уже не предвижу твоей.
Что сутулит теперь от бессонниц усталые
плечи,
Здесь в чужой стороне не наткнусь
на приветливый взгляд.
Позади перевал. А под гору, конечно же,
легче
Мне с шофером лететь, не оглядываясь назад.

* * *

Зима глубокая стояла.
Снега за окнами несло.
А печь гудела и стреляла,
И было тихо и тепло.
И только бой часов старинный
Кота дремотного будил,
И вечер зимний, вечер длинный
В ночь милую переходил.
И все спешило жизнью тайной
Пожить, пока не рассвело,
И только ставен стук случайный
Откатывался за село...

* * *

Эх, покурю-ка, давно не закуривал!
Спать убреду в сеновал.
Эх, по избе моей веник не гуливал,
Ветер зато погулял.
Курево крошится, спички ломаются —
Все, брат, одно к одному...
Сколько еще одинокому маяться
В этом остылом дому?
Самая близкая и невозвратная,
Что же наделали мы?
Где же дорожка твоя подзакатная
Пересекает холмы?
Может быть, сны твои —
Пусть и недолгие! —
В нашей бывают избе,
Как и мои, улетают бездомные
Каждою ночью к тебе.

* * *

Опять вокруг рабочего стола,
В окне передо мной и надо мною
Смыкается предательская мгла,
Как черная вода над головою.
Непроницаем заоконный мрак,
Там без опаски не ступить ни шагу,
Там только лай сторожевых собак
Преследует какого-то беднягу.
Гори, гори, свечи огонь живой,
До предопределенного рассвета!
Декабрьской полночью одним тобой
Моя душа жива и обогрета.
Не угасай, не поддавайся сну,
Не угасай, мне тоже нет покою,

Покуда ночь не выпустит луну
Над гололедной нашей стороною
И отпускник веселый не пройдет,
В последний раз гармошку надрывая...

Но вот и псы замолкли у ворот,
Осипшие от холода и лая.
Целительна ночная тишина,
И так привольно в ней воображенью,
Где, как живая, царствует весна
В цвету черемух и скворчином пенье,
Где на свечи полночный огонек,
Когда окно распахнуто широко,
Заглянет человек и мотылек,
И никому уже не одиноко...

* * *

Поредела моя родня.
Нет ни деда уже, ни бабки,
И отца уже нет у меня...
Мы все чаще снимаем шапки
На могилах близких людей.
Да и сами пришли к порогу,
Когда сердце болит острой.
И на прожитую дорогу
Смотришь пристально —
Так ли жил,
Тем ли идолам ты молился,
И тому ли делу служил,
И чего в том деле добился?
А на будущее — заметь —
Мы уже дела выбираем,
Чтобы выполнить их суметь
Перед смертным, последним краем.

НОВЫЕ СТИХИ

Поредела моя родня,
Не забыта ее работа.
Вот бы этак и у меня...

Жить охота и петь охота!

* * *

Мне забот придумывать не надо.
Так живу, волнуясь и спеша,
Что порою солнышку не рада
За ночь постарелая душа.
Творчество покажется обузой,
Вовсе неудачною судьба...
Жить, не приторговывая музой,—
Никому не легкие хлеба.
Головой, бывает, покачаю,
Как вокруг порою погляжу.
Но на ругань я не отвечаю,
От словесной драки ухожу.
Знать, такая выдалась порода
Ко всему незлобная моя...
На ворону каркает ворона,
Но не соловей на соловья.

* * *

В. Белову

Кладбище у церкви Воскресения,
Где цветут крапива и тоска,
Зарастает...
Нет ему спасенья
От нахлынувшего ивняка.

Бродят кошки в дебрях иван-чая,
Думая промыслить что-нибудь.
И кресты, как пьяные, качаясь,
Тянутся к оградам прикорнуть.
...А венков жестянки проржавели,
А тропинки стороной ушли.
Здесь при жизни близких не жалели
Да и после смерти не смогли.
Что же с нами в будущем-то станет,
Ломаного стоим ли гроша?
Это ж не могилы зарастают,
Зарастают память и душа.
И не нас ли оплела крапива,
И не мы ль ржавеем от дождя,
И не по живым ли плачет ива,
С кладбища к дороге выходя?

* * *

Седина, естественно, на голову,
Ну а бес, конечно же, в ребро.
Вот и ходишь, как шальной, по городу
И добро меняешь на добро.

Голос свой мешаешь с подголосками,
Куришь дни и ночи напролет.
Все подушки что-то стали жесткими,
Все паркеты стали словно лед.

Все плывет в дыму и все качается,
Чья-то тень маячит у окна..
То ли жизнь постылая кончается,
То ли начинается она?

Словно дервиш, одержимый Меккою,
По ночному городу бредешь.
Самое печальное, что некому
И спросить: — Куда же ты идешь?

* * *

Живешь себе спокойно, не спеша,
Идешь вперед «без страха и сомненья».
И зарастает камышом душа,
И обнажает донные каменья.

Не потому ли скромен твой улов?
На мелкой речке разве что поймаешь!
Как островок, среди журчащих слов
Стоишь — и ничего не понимаешь.

Мой милый, не испытывай судьбы,
И если хочешь быть самим собою,

Иди туда, где утром на дыбы
Встают дымы над каждою избою.

Туда, туда — пешком и напрямик!
По хлябям и болотам, как по суше!
И мать обними! —
И в тот же миг
Отверзнутся
Глаза твои и уши.

И ты почуешь —
Пусть тебе тогда
И стыдно будет и немного грустно,—
Как заливает полая вода
Твоей души запущенное русло.

* * *

Печь развалилась — и живет без печки.
— Летами печка мне, мол, не нужна...
Таскает, старый, воду с дальней речки,
Хотя стоит колодец у окна.
— На самовар милей с реки водица,
Да и ношу-то я по полведра...
Он любит с самоваром повозиться:
И то сказать, всего-то и добра.
А где же дедко зиму коротает,
Никто не скажет вам наверняка:
— То сторожит, то валенки катает...
Зимой в селе не видно старика.
Ни у кого и ничего не просит:
— Чего просить, ведь я не инвалид...
Его попросят — выйдет и покосит,
Какой-нибудь старухе подсобит.
Была ли у него когда старуха
И есть ли где-то дочери, сыны,

О том в селе ни слуха и ни духа.

— Он пришлый, — бают, — он со стороны.
С ним говоришь, как будто лижешь мыло
Или ночуешь нагишом в стогу:
— Как раньше жил-то?
— Раньше всяко было...
И замолчит, и больше ни гу-гу.
Подолгу тянет свой чаек из кружки
И заполночь уже ложится спать.

Еще он любит вырезать игрушки,
А больше о нем нечего сказать.

* * *

Я сочиняю стихи про желтые листья...
A. Яшин

Желтые листья
На черной осенней воде,
Рваные тучи
Над рваной, в пролесках, землею.
И ощущение:
Быть неминучей беде —
Неумолимое,
Ходит и ходит за мною.
Что удивительно —
Даже грачи не кричат
И журавли
Не приветствуют нас на пролете!
Даже дымы деревенские
Нынче горчат,
Клюква — на что! —
Но и той
Не сыскать на болоте.
Родина милая,
Что ты скрываешь свой лик?

Чем, неразумные,
Мы тебя столь прогневили?
Может, в лесу испоганили
Светлый родник,
Или же в душах
Свои родники мы зарыли?
Не потому ли
Из мутных колодцев и пьем,
Дышим мы смесью
Наполовину из пыли?
Не потому ли
Все чаще мы соло поем,
Что хоровые,
Священные перезабыли?
Что же тогда остается нам
В нашей беде
И за какою
Последовать дальше звездою?
...Желтые листья
На черной осенней воде,
Той, что от листьев
Становится горькой водою.

* * *

Под Заполярья
Сумрачные своды
И мне пришлось
Однажды заглянуть,
Где проступают
Скальные породы
И выступает
Человечья суть.
«Да, здесь в почете
Согнутые спины,
Здесь без труда

Не ловят из пруда»,—
Шептали мне
Туманные Хибины
И шелестела
Имандры вода.
«Тут в одиночку
Не избегнуть лиха,
Тут места нет
Для слабых и тоски»,—
Мне говорила
Грозная Гремиха
И вторили
Ночные маяки.
Да, эти земли
Не рожают хлеба
И небеса
Не любят певчих птиц.
Здесь море и земля,
И даже небо
Не для сугубо праздных
Штатских лиц.
Но, опустившись
В нижние широты
По неприютным
Северным морям,
Мы были очень рады
Отчего-то
Не чайкам,
А обычным воробьям.

* * *

На веревках опустили гроб
И о крышку комья застучали.
Старики — перекрестили лоб,
Молодежь — бутылку распочали.

Из цветов пластмассовых букет
Прикрепили к твоему портрету.
И — прощай навеки, белый свет,
Для тебя, встававшего до свету.
На земле не переделать дел,
На земле покоя не бывает.
Ну а кто ей больше порадел,
Тех она скорей и призывает.
Неужели нет ничьей вины?..
Недостойно даже разговора
То, что стали кладбища тесны,
А деревни стонут от простора,
Что вот здесь, под шорохи венков,
Низко наклоняясь над мужиками,
Солнце не глядит из облаков,
Утирая слезы облаками?

НИКОЛЬСК

Аэропорт страдал от вьюг.
У кассы очередь стеновою...
Но наконец передо мною
Селение на речке Юг.

Дома из бревен вековых,
Семь окон по лицу! — Видали?!
Едва ли, милые, едва ли
Вам доводилось видеть их...

Возьмем столовую опять:
Какие шницили! — а поверх
Вам поливают бог и повар
Еще и масла ложек пять.

На тротуарах, правда, лед.
Но весел я в простой надежде:

Весна наступит — и как прежде,
Раскопки тут произведет.

И обнаружит подо льдом
Те знаменитые тесины,
Что скрыли здешние трясины.
Но это будет все потом.

А нынче — здравствуй, старый друг!
Тебе желаю долгой были
И чтобы все тебя любили,
Селение на речке Юг.

ДЕРЕВНЯ

Золотые пожни,
Часовенки убогий вид...
Там все характеры несходки,
И я был тоже
Знаменит.
Не как плясун,
Или охальник,
Или молочный там агент,
А все-таки — киномеханик! —
Уже почти интеллигент.
Своих завистников
Без спора
Свалить желая наповал,
За исключеньем «Беломора»
Я табаков не признавал.
С любого праздника, бывало,
Я уходил домой один,
Как будто мне и дела мало
До ритуала проводин,
Когда дружки мои лихие
Девчонок брали

И когда
Сирени заросли глухие
Обламывали у пруда.
Я жил прямым киногероем,
Не по-земному,
Высоко...
Теперь признаюсь
И не скрою,
Что жить мне было
Нелегко.
И я расстался с этой славой,
Но не задешево причем,
А за платочек зорьки алой,
Что вился за твоим плечом.

РУЧЕЙ

У ручья на спине —
Сто солнышек.
Тополята над бережком.
Он по камушкам,
Как воробышок,
прыг-скок, прыг-скок.

Налетит на корягу —
Надуется,
А потом побежит по песку.
Заиграется и забудется,
И как раз угодит в реку.

* * *

Не уродилось нынче лето:
Ветра, дожди и град порой.
Об этом пето-перепето
Во всей печати областной.

И люди приуныли вроде,
Надев осенние пальто.
Залетным шуткам о погоде.
Не улыбается никто.
Прогнозы не сулят отрады.
Ненастный год, холодный год!
И только ребятишки рады,
Что рыжиков невпроворот.
Едва блеснет на небе просинь,
Как туча черная катит...
Не лето, а глухая осень...
Но самый безутешный вид —
Луга:
Подкошенные травы
Сопрели,
Господи прости,
Они щетиною отавы
Уже успели прорасти!
И бригадиры, сна не зная,
По всем покосам колесят.
Выговора и нагоняя
Над бригадирами висят.
И что ни день — темнее лица,
И даже дряхлый инвалид,
Как обескрылевающая птица,
С тоскою на небо глядит...

* * *

Давно пора сменить жилье,
Сменить, как грязное белье!
Тут не война идет — возня!..
Тут пенсионная акула
При виде ржавого окурка
Ведет атаку на меня.
Скрываюсь в комнате скорей!

Но долго стонут половицы
Под медной поступью жилицы
За переборкою моей.
Спокойно б высаться!

Но нет,
Какой тут сон, когда со свистом
Под окнами мотоциклисты
Спешат покинуть белый свет.
И по ночам, когда не сплю,
Мечтать порою начинаю,
Как чемоданчик начиняю,
Иду на станцию свою...
Но вот куда поеду я?
Куда спешить, прекрасно зная,
Что жизнь — она везде такая?
Нет жизни средь житья-бытья.

А ДОМА...

Далеко за окоемом
Речка Ема.

За горами, за лесами
Палисадник!

И домишко синеокий
В девять окон.

Белым цветом отрябили
Мне рябины.

Полевые коростели
Отсвистели.

Все друзья, какие были,
Позабыли.

И не вспомнят, как, бывало,
Бедовали,

Как с девчонками бывало
Баловали.

Только тянет меня к дому
Дорогому.

Тянет мама, тянет батя,
Тянут братья.

Да еще за окоемом
Речка Ема,

За горами, за лесами
Палисадник.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Земля по осени
Как солнце.
Протуберанцами леса
Сияют светом невесомым
В прозрачнейшие небеса.

И мы однажды,
Удивленно
Взглянув в окно,
Забудем сны,
Увидев землю раскаленной
До нестерпимой белизны.

ПЕСНЯ РЫБОЛОВА

Красна моя блесна.
Притих.
Сползает козырек
На лоб.
А рыбина к блесне —
Бултых!
И на берег потом —
Шлеп!

Ах, любо мне вдоль речки
Ходить!
Ах, любо мне блесенку
Водить!
И камышом шуршать
У воды,
И оставлять в низине
Следы.

По берегу осока,
Кусты.
Опять удачу случай
Шлет.
Рыбина к блесенке —
Бултых!
И на берег потом —
Шлеп!

Вот то-то будет бабка
Хвалить,
Вот то-то будет ушку
Варить.
— Вот то-то,— скажу,—
Рыбку ловить —
Не ниточку на лавочке
Вить.

Ах, бабка моя любит
Уху,
А значит, мне бывать
На реку,
А значит, завтра снова
Ходить
Да красную блесенку
Водить.

* * *

Пряди, метель, свою кудель,
Крути луну,
Как веретенышко,
Но все равно в погожий день,
Любимая,
Проглянет солнышко.

И снова,
Как и год назад,
Запахнут почки тополиные,
И половицы заскрипят
Под ноженьками торопливыми.

О, как мы дружно заживем!
Цветы поставим
На столешницу.
И счастье прилетит в наш дом
Скворцом в знакомую скворешницу.

Пряди, метель, свою кудель,
Крути луну,
Как веретенышко.
Но все равно в погожий день,
Любимая,
Проглянет солнышко.

ПЕРЕПЕЛА

Перепела кричат,
Перепела...
Любовь была?
А может, не была?

В тумане зыбком
Плавают кусты.
Неясен месяц.
Непонятна ты.

Постой, моя хорошая,
Постой!
Давай наладим
Разговор простой.

Ты знаешь,
Мне о прошлом вспоминать —
Как будто эти губы
Приминать.

Уедешь скоро
В лучшие края.
Пока ничья, а жаль,
Что не моя.

Останутся в ночи перепела
Гадать:
Была любовь
Иль не была?

* * *

В июне том
Мы жили у старушки.
Нам просто захотелось отдохнуть.

Но пухлые пуховые подушки
Ночами не давали мне
Уснуть.
Имея до рассвета час в запасе,
Бродил я парком,
Отряхал росу
И не жалел,
Что глупо так попался
На месяца веселую блесну.
А ты была бойка
И смуглолица.
Не в нашем
Уродилась ты краю.
Хозяйка говорила: — Баловница,—
И вспоминала молодость свою.
Когда под утро,
Наломав сирени,
Продрогший я ворочался домой,
Ты босоногой выбегала в сени:
— Спасибо,
Самый добрый домовой!
Позавтракав,
Мы шли на речку часто.
Нас липы провожали шепотком.
А женщины носили в ведрах
Счастье,
И вся сирень
Цвела в пять лепестков.

* * *

В лесу пока смеркается не рано.
В нем без людей пустынно и парадно.
И тучи копят сонный санный снег.
Один лишь тип со взглядом побиушки
В осинах собирает отварушки...
Проголодался, божий человек!

А что же мной в лесу пустом забыто,
Зачем гляжу я под ноги сердито
И бормочу, обидные слова?
Зачем ищу покоя и привета,
Где только отблеск дней румяных лета
Еще хранит усталая листва?

Зачем никак не наберусь терпенья
И не могу я дня прожить без пеня
Таких родных по духу мне пичуг?
Они со мною были на малине
И ночевали вместе на овине...
И вот теперь — один остался вдруг!

Один гляжу, как чуткие туманы
Зализывают ямы, словно раны,
Ложась на дно отзывчивых низин.
От листопада шаг до снегопада,
Все по добру, все ладно, все как надо,
Все хорошо... Но жаль, что я один.

ПАМЯТИ А. Я. ЯШИНА

Над высоким обрывом реки,
Где земные развинуты дали,
Положили его мужики,
Словно дети, потом зарыдали.
И закрыла реку полумгла,
И осины внезапно застыли.
Завершились до срока дела
На земле, где и начаты были,
На земле, где он тем знаменит,
Что любил ее с нежностью сына,
И последним признаньем звучит
Всепечальная эта кончина...
Все горевало. Все скорбело.

Дожди ничем не укротить...
Его последней волей было —
На родине похоронить.
И встала радуга в полете,
Когда среди родных, друзей
Его в печальном самолете
Везли к родной земле своей.
Его везли над той землею,
Где исходил он босиком
Луга с шелковою травою,
Реку с поникшим ивняком.
Ах, тихий земляничный холмик,
И ты, вечерняя звезда,
Он так любил вас, так вас помнил,—
Теперь он с вами навсегда.
Но сколько б лет ни пролетело,
Ни прокатилось бы дождей,
Земле досталось только тело,
Душа его — среди людей.

* * *

От пересудов и простуды
Сбегая в тихие дома,
Среди покоя и посуды
Совсем легко сойти с ума.
Снега ли улицу затопят,
Придет ли сонный листопад
В домах все так же печи топят
И на погоду не глядят.
Не по-хорошему оседлы,
Неразговорчивы подряд
К соседям не пойдут соседи,
Своих ворот не отворят.
Не проскрипят дверные петли,
Лица в окне не промелькнет.

Однообразны даже сплетни,
И одинаков анекдот.
И, утопая среди грязи,
Дома уходят в глубь земли.
По подоконники увязли,—
Скорей бы с крышами ушли!

БЛОК. 1911 ГОД

Россия... Сосен темный ряд,
Дорога желтая, ухабы.
С разинутыми ртами бабы
На каждой станции торчат.

Возница гонит лошадей.
Темна душа его, угрюма.
Какая затаилась дума
Меж плотно сдвинутых бровей

Россия... Грозовая тишь,
Она мрачнее год за годом.
Тут перед собственным народом,
Как перед пропастью стоишь.

Лесные катятся валы.
Темны, темны за ними дали...
Россия, сердце приковали
К тебе любови кандалы!

Пусти меня хоть на крыльцо,
Дай позабыть на миг невзгоды.
О, бедная! Лихие годы
Состарили твое лицо.

Но нет, молю тебя, молю,—
Любовь не путай с состраданьем!
Моей любви к тебе признаньем
Я назову и смерть мою.

* * *

Б. А. Шабалину

Столько разных настроений...
За которым и пойти?
Вот дорожка наслаждений...
Только нам не по пути:
Где же денег напасти?

Нет причины для веселья
И для грусти тоже нет.
Ни смертей, ни новоселья —
Преспокоен белый свет.
Кто же мне подаст совет.

Посмотрю в свое окошко:
Солнце ходит в стороне,
Дятел дробно и сторожко
Ковыряется в сосне.
Поработать разве мне?

Построчишь да почитаешь —
И к окну на пять минут.
Как там, милый, колупаешь?
У меня дела идут!
Настроение — на совет?

СТИХИ С ДОРОГИ

Седьмой вагон — его болтает,
Его трясет — седьмой вагон.
Здесь только храпа не хватает...
Но вот уже раздался он!

Да, нелегко домчать до дома.
И, видимо, придется мне

Такому вот, полуживому,
Явиться на глаза жене.

Тут не до сна — его не будет.
Глаза сомкнул — идут враги:
Две продавщицы криком будят:
«Берите с мясом пироги!»

Лежу больной на третьей полке
И мне не весело — увы!..
А за окном мелькают елки,
Они с иголочки, новы.

А за окном снегирь на ветке —
Зимы румяная душа —
Сидит и дышит
 в доброй вере,
Что жизнь на свете хороша.

И на просторе чистом, гордом,
Где белый снег слепит глаза,
Седьмой вагон с тоской и громом
Нелеп, как зимняя гроза.

* * *

В колее проступает водица.
По опушкам скользит листопад.
Проклинает погоду возница.
Беспорядочно оси скрипят.

По дороге деревни да церкви,
И у всех придорожных церквей
Купола золотые померкли,
Стали явственнее и тяжелей.

Мой возница о чем-то тужит,
Курит часто и неспроста...
И ворона голодная кружит,
Пережившая веру в Христа.

* * *

Другу

Господни неизвестны нам пути,
Быть может, час последний недалече...
На этот случай говорю: «Прости,
Безмолвно землю я приму на плечи,
Жаль, горя твоего не унести...»

ЧТО СКАЗАТЬ?

Не они березы садили
И скамьи вдоль аллеи ставили:
Вижу, люди-то молодые,
А березы
 все старые.

— Вы зачем, ребята,
 ножами
На березах метки оставили?
Люди добрые их сажали,
Сердцем к будущему оттаивали...
— Знаем!
— Слышали!
— Что поешь?!

И ушли они,
 как растаяли.
Что сказать?
Вокруг молодежь,
А истины
Всё старые...

* * *

Не ищи дорог без терний,
И в беде ищи добра.
Только лишь из подмастерьев
И выходят мастера.

Всем, что знаешь и умеешь,
Не гордись на склоне дней.
Не от возраста умнеешь,
А умнеешь от людей.

Дело вовсе не в секрете,
В мастерстве секретов нет.
А живя на белом свете,
Излучай добро и свет!

Потому народу мильы
Только те сыны земли,
Кто в священные могилы
Ничего не унесли.

* * *

На будущее составляем сметы,
А прижимает — в прошлое глядим.
Не думаем о неминучей смерти
В какой-то срок, в какой-то миг один.
— Не тотчас же придет она... Не завтра!
— О смерти думать — это не житье!
Но потому сокрыта эта дата,
Чтоб каждый тайно помнил про нее.
Трудяга ли, не знающий покоя,
Которому нет времени и сил
И голову-то очертить рукою...
И умница, который очертил.

И классик, тот, не терпящий лазури,
Нахмутивший изрытое чело,
Что пятернею ищет в шевелюре
Не то мыслю, не то еще чего.
И грешный аз, берущий ночь за гриву —
Вернуть ее к закатной полосе,
И девушка, поющая про иву
И про любовь текучую...
Да все.
О чём вздохнем своим последним вздохом?
Неужто перед смертью все равны?
И жившие под богом, и под Блоком,
И попросту под боком у жены.
Жизнь создана, чтоб рвать людские жилы,
И опыт старших говорит за нас:
Кто больше горя вынесет при жизни,
Тому и будет светел смертный час.

* * *

До полуночных страхов
Неохочий,
Но все-таки отрадно для меня
Заглядывать порою в ниши ночи
Из тупиков и сутолоки дня.
И к вящей славе
Или даже вещей,
Все видя с высоты,
Как мы живем,
Звезда всегда играет и трепещет
Бессмертным жаворонком
Над селом.
Не верю.
В предрассудки и обманы,
Что ночи суть
Угрюма и черна:

Пусть душу вывернет,
Как белый день карманы,
Но чистою останется она.
И человек,
В раздумии глубоком
Желающий побыть наедине,
Не закрывает перед нею окон,
Как не закрыть их
Светлой ночью
Мне.

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ

Перехожу к печальному итогу:
Не разлюбить мне родины своей,
Не разлюбить разбитую дорогу,
Где скачет одинокий воробей.
Не разлюбить деревни никогда,
На целый метр осевшие избушки,
Откуда смотрят кроткие старушки,
Припоминая прежние года.
Сошлись у магазина мужики
Обмыть удачно проданную телку.
Они кричат без разума и толку
И делают огромные глотки.
Тут ни одна не меряна верста,
Мороз и ветер выжимают слезы,
Трещат ночами черные березы —
И это все родимые места!
Согреюсь у домашнего огня,
Когда дела закончены дневные,
Потом засну неслышно — и меня
Сон унесет в края совсем иные,
Где луг цветами пышными цветет,
Где удивляет певчих птиц раскраска...
Но и во сне я отдаю отчет,

Что это все неправда, это сказка.
Перехожу к печальному итогу.
Мне и во сне никак не позабыть
Кривых берез, разбитую дорогу,
И, слава богу... да, и слава богу,
Мне не дано другое полюбить.

* * *

Расставание необходимо
Для забвенья случайных обид.
Как воздушно, нерукотворимо
Солнце волосы вам золотит!
Обещаю, что не позабуду,
Стану вашу улыбку беречь,
Стану слышать всегда и повсюду
Вашу мягкую плавную речь.
На вокзальном на суетном фоне
Вы стоите, от шума устав.
Попрощаемся — подан к платформе
Ни минуты не ждущий состав.
Расставание необходимо —
И сомкнулось его кольцо!
Отойдет в неизвестность, мимо
Синеокое ваше лицо.
Не пения на разные рейсы:
Сами выбрали, как могли.
...И расходятся синие рельсы,
И смыкаются где-то вдали.

ЗИМНЕЕ

Снега расчертили дровнями,
Уехали в лес мужики.
Над сонными деревнями
Стоят неподвижно дымки.
Опять пожалели, не стали

Будить — ни отец, ни мать.
А было бы очень кстати
Топориком помахать.
Наверное, в ельнике мглистом,
Где вязнет глубоко стопа,
Сейчас рикошетит со свистом
Мороженая щепа.
Бездельничать мне надоело,
Глядеть надоело во двор.
Примусь поскорее за дело:
«А где у нас, батя, топор?!»
Из лесу, как после парки,
Придешь — и приятней стократ
Чаек темно-красной заварки
И все, что за ним говорят.

* * *

Подлунный снег и тени на снегу
Да легких санок песня заливная.
Вся под крутую устремясь дугу,
Лошадка индевеет на бегу,
Настороженно уши прижимая.

Сквозь редкий лес маячит огонек...
— Но, милая! Осталось недалече!
А там тебе сенца подкину впрок,
Потом и сам усядусь за чаек
И спать прилягу на привольной печке.

Но, умница! Бери пошире рысь,
Не то полозья навевают дрему.
Давай, давай, родная, шевелись!
Ведь дома нас, наверно, заждались,
А пуще мы соскучились по дому.

* * *

Как на дворе пустынно, чисто, немо!
Светает медленно. Приподымают небо
Дымки ночные сонных деревень.
Нелегок на подъем январский краткий день.

Но вот за сеном, до плохой погоды,
Кряхтя, уже пошли колхозные подводы,
И ветер, народившийся чуть свет,
Приземистым саням поземку шлет волслед.

Пора поставить чай. Иду на речку,
Где все упорствует и несогласной речью
Противится морозу полынья,
И ведра рвут из рук ломотная струя.

Воды набрав, я подымаюсь в гору
И отдыхаю тут, и радуюсь простору,
Что четкая тропинка рассекла
На два до выюги лишь спокойные крыла.

* * *

На улицу она глядела.
Снега за окнами несло.
И столбянная печь гудела,
И было тихо и тепло.

Потом у дома, за рябиной,
Прощались ровно пять минут...
Послушной называл, любимой...
Не знаю, как теперь зовут.

* * *

Тропа раздвинула деревья.
Невольно ускоряю шаг.
И вот она, моя деревня!
Часовня, домики, овраг...

На крыши темные, косые
Гляжу, волнуясь, не дыша.
Деревня не лицо России —
Душа.

ЧИТАЯ ЯШИНА

Подумай о своей судьбе...
Не для анкет,

а все ж

Себе ответь,
Ответь себе,
Зачем и как живешь.
И знай, что не обманешь смерть —
Она тебя сильней,—
Коль не сумеешь разглядеть
«Цветок среди полей...»

* * *

Самовар пора подогревать.
Выпьем-ка чайку с тобой,
Хорошая!
Долго ль, мама,
Гостью поджидать?
На дворе морозно ли,
Пороша ли?

Поутру водицы наношу,
Дровец наколю тебе на истопель.
Снова гостье в город напишу:
«Приезжай,
Январь избы не выстудил».
У нее, наверно, дел полно.
Всё дела — и крупные, и мелочи...
Да не три стороннее окно!
Милая,
Уже пора сумерничать.
Отдохни,
Ложись-ка на кровать.
На дворе морозно ли,
Пороша ли?
Рано самовар подогревать,
Подождем еще,
Моя хорошая!

* * *

Ты скажи, к кому меня ревнуешь?
И уже случается порой,
Что отлучку каждую раздуешь
Чуть ли не до драмы мировой.

Милая, да что это такое?
Не тепличный все-таки цветок,
Чтоб дистиллированной водою
Прокормиться в этой жизни мог.

Я люблю другие почвы.

Впрочем,
Там растут большие лопухи...
Но не на искусственной же почве
Сочинять поэмы и стихи!

Прояви, любимая, сознанье...
Это ли не дикая тоска
Заниматься перевоспитаньем
Данного от бога мужика?

* * *

Махорку, что злее полыни,
Ночами курить устаю.
Знакомства веду с пожилыми,
А с прочими перестаю.

Наверное, сроки приспели
Свое назначенье понять
И, песен менять припевы,
Попробовать песни менять,

Любые смещения тени
Попробовать замечать,
При споре на вечные темы
Попробовать помолчать.

* * *

Захочу порой ночною —
Ловко лодку оттолкну
И над самой глубиной
Колыхну легко луну,
К устью выгребу поближе,
А потом поворочу
И, закрыв глаза, увижу
Все, что только захочу.

Искал удачу, колесил по свету...
Судьба моя казалась далека.
Бессмертное: «Карету мне, карету!» —
Рвалось неудержимо с языка.

Врастала в душу суэта вокзала...
А девушка, березоньке под стать,
Совсем неподалеку подрастала,
О чем я и не мог подозревать.

Она в июле шла на сенокосы,
Любила синью залитые дни.
Ей солнышко запутывалось в косы,
И стали вроде солнышка они.

Покуда травы с летом не простились,
То все цветы — ромашка, василек —
На легкий сарафан ее просились,
На голову просились — на венок.

И нынче только так себе отвечу,
Ценя пределы мерою всего:
Весь мир благодарю за нашу встречу,
И за разлуку прокляну его.

* * *

Над головою
Вновь затопали
То под гармонь, то под баян.
А это значит
Снова хлопнули —
Кто рюмку,
Ну а кто стакан.

Вновь штукатурка осыпается...
Когда же
Верхний мой этаж,
В какое время отсыпается?
Ответа точного
Не дашь...
Ждешь воскресенья,
Словно каторги.
И день получки —
Судный день.
Да хоть бы надевали катанки,
Коль им всю ночь
Плясать не лень!
Опять всю ночку
Не прилягу я
Под этой шумною толпой.
И хочется
Бежать с бродягою
Звериной узкою тропой!

* * *

Ночи холодные очень.
Скоро остынет земля.
Вновь открывается осень
Красной строкой сентября.

Выйдешь в любую аллею —
Грустно душе понимать:
Тени деревьев светлее,
Стали светлее опять.

Лист, надо мною порхая,
Напоминает звезду,
А через миг золотая
Плавает рыбка в пруду.

Что-то краснеет на кочке,
Чем-то усыпан пенек...
Это уже не цветочки,
Ягодки это, дружок.

ИРОНИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Новых гнезд
Апрельские веснушки.
Гомоном
Разбуженная высь.
Погулять отпущеные
Клушки,
Кокоча,
Из лужи напились.
Закипают реки
Ошалело,
И глаза шалеют
У людей:
«Ох, и грязи, братцы,—
По колено!
Ох, и дела, братцы,—
До бровей!»
Посевную всю —
За две недели!
Поглядишь на пахарей потом —
То ли от работы
Почернели,
То ли солнце
Било их кнутом.
Ах, весна!
Люблю твои приметы!
Рад всегда услышать наяву,
Как трубят
Коровы и поэты,
Восславляя первую траву.

* * *

Трактор прет по реке,
Словно здесь дорога.
— Это что це таке? —
Думает Серега.—
Пароход или что?
Встретить б тракториста
И узнать,— выпил сто
Или все триста?
Но не нужен ответ:
Майскою погодкой
Трактор — бух! Больше нет,
Стал подводной лодкой.

* * *

Силой силу убивают,
От борьбы — невпроворот...
Дураков не убывает,
А совсем наоборот.

По себе не замечаем,
На других глядим сперва.
Головою покачаем,
Коль на месте голова.

Что творится на планете!
Где-то мор, а где-то пир...
Рад бы жить и в худшем свете,
Да торопят в лучший мир.

Поневоле выйдешь в поле,
Поневоле запоешь,—
Матушка, не наша воля,
Не полюбишь, кого хошь...

ПОРОСЯТА

Жили пороссята,
Жили не тужили.
Ели что хотели,
Что хотели пили.

Все бы было мило,
Все бы было гладко,
Только их манила
В огороде грядка.

Вот и стали братцы
К грядке подбираться.

Прятались под деревцем
И в канавке стылой,
Но увидел дедушка —
Прогнал хворостиной.

И бралися долго
Дедушка усатый:
Черти полосатые,
А не пороссята!

* * *

Ростом дедко с каланчу
Да и ликом светел.
— Как живешь? — ему кричу.
Помолчал — ответил:
— Ты спросил вот, как живешь?
Жизнь какая наша:
Хлеб, бывалоча, жуешь,
А глотаешь — каша.
Всюду, за что ни возьмись,

Не видать просвету.
Ягод не было лонись...
А и нынче нету!
А старуха-то меня
Дни и ночи точит.
Загоняла, как коня,
Выпрыгать не хочет.
Так вот времяя и идет
Солнышком за тучку.
Ждал от дочки перевод,
А прислала внучку.
А уж в доме ни гу-гу...
Нынче точат обе,
Будто задались дугу
Выгнуть из оглобли.
Разве это, парень, жизнь —
Светопреставленье!
Хоть в могилу, брат, ложись,
Лопнуло терпенье.
Он еще б поговорил,
Прибежала внучка:
— Деда, чай-то твой остыл.
Принесли получку!
— Ладно, подогрей беги...—
И ко мне:— Пошли-ка!
У меня, брат, пироги
Каждый день с брусникой!

ДОЧЕРИ

Ветер, ветер, ну-катише!
Силы у тебя не те:
Все равно тесовой крыши
Не подымешь на хребте.
Что пугаешь темь ночную
Весь в метели на меху?

Что гудишь в трубу печную,
Что ныряешь под стреху?
Тучи снега подымаешь,
Бесишься такой-сякой,
А того не понимаешь —
Людям надо на покой.
Вот последняя дотлела
В нашей печке головня,
Но никак дочурке Лене
Не заснется у меня.
Верно, думает в постели
И тревожится сейчас,—
Как по этакой метели
Дед Мороз дойдет до нас.

* * *

Промелькнувшей за окнами станцией
Вспоминаются встречи с тобой,
Под июньской цветущей акацией,
Под пчелиною выгой живой.

Вспоминается кофточка белая
Да твой шепот, сводивший с ума.
Что хотела, со мной то и делала.
Что хотела — не знала сама.

Целовались до боли, до одури,
Доходили в обидах до слез,
А расстались — и виду не подали,
Что разлука надолго, всерьез.

За излучиной в жизни излучина
Развели нас по разным краям...
Ах ты сводня, судьба, и разлучница,
Ах вы слезы и смех пополам!

* * *

Вокруг одни и те же лица
И разговоров пустота.
Больница — все-таки темница,
Хотя и светом залита.
Иной больной почти покойник,
А рад совсем не по летам,
Что воробей на подоконник
К нему слетает по утрам.
Отрады мало в жизни нашей,
И все волнуются с утра,
Чем нас накормят — манной кашей,
А, может, рисом, как вчера.
Жизнь не наполненная новью,
В какой-то склеповой тиши,
Она полезна для здоровья,
Она опасна для души.
И утешаться было б нечем,
Ложась в больничную кровать,
Но нам сердца затем и лечат,
Чтоб после снова надрывать.

* * *

Седая мать его жива,
А сын в земле сырой.
Пусты слова и где слова
При горести такой!

Ушел за крайнюю черту,
Как день, в короткий срок.
Друзьям его невмоготу,
А ей-то он — сынок...

А на улице дождь. Он по крыше идет налегке.
Мне с высоких полатей отлично слышно,
Будто маленькие человечки подбегают к стрехе
И друг за дружкой спрыгивают с крыши.
Не приехала. Нечего больше ждать.
Только кажется — рядом шаги слышу...
Это маленькие человечки пришли сказать,
Что никого не видно... даже с крыши...

* * *

Ты хочешь благодарности людской?
Желал бы лучше бы большого чина!
Ну кто простит, что ты вот не такой,
А это-то и есть всему причина.
Не уповай, поэт, на божий суд,
Когда тебя на этом разнесут.

* * *

Живу в прекрасном городке!
Петух поет невдалеке,
Гражданка в вязаном платке
Меня улыбкой оделяет.
Суббота. Трезвый мой сосед
Спешит собаке дать обед,
Попутно мне кричит: «Привет!»
Собака в это время лает.
Гуляю. Шаткие мостки
(Две просмоленные доски)
Пускай не слишком широки,
Но заменяют тротуары.
И здесь (куда ж еще пойти:

Кино лишь вечером, с пяти,
Да там — и денежки плати!)
Сердитые гуляют пары.
Все мило мне и все с руки,
И даже эти старички,
Что вбок огромные скачки
Выделывают поневоле,
Коль пьяный им навстречу прет,
И что-то русское поет,
А что — никто не разберет,
Но вроде о колхозном поле.
Живу в прекрасном городке!
Пью сок в хозяйственном ларьке,
Пыль крутится на ветерке
И оседает на плакаты...
Ушами в парке конь прядет...
Пожалуй, скоро дождь пойдет.
Жаль, что суббота пропадет,
Но люди тут не виноваты.

* * *

По тихим тропам родины моей,
Где вызвездило чистые ромашки,
Пойду бродить в сatinовой рубашке
По тихим тропам родины моей.

Пока нигде не затопили печь,
Пока в заре созреет день погожий,
Поговорю с прохожим, как прохожий,
Пока нигде не затопили печь.

Приду домой, присяду у дверей,
Возьму перо и книжку записную...
Но только мама знает, что ищу я
На тихих тропах родины моей.

* * *

От костров отпрянувшие тени,
Бубенец далекий...
Не берусь
Говорить, откуда прилетели
Эти песни странные на Русь.

Музыка цыганская, резная!
На уме мелькает неспроста,
Словно едешь, даже сам не зная,—
Где она — последняя верста?

Узкую перемело дорогу.
Господи, куда же занесло!
Чистым полем — да от стога к стогу...
Где оно — знакомое село?

Музыки и мутной выюги братство
Предстает, как бесконечный путь.
Но уже не повернуть обратно,
Слов произнесенных не вернуть.

* * *

И корни сосен у реки
К воде спускали жилы.
Ходили молча старики,
Как будто сторожили
Последний день, последний час,
Последнее мгновенье
И наглядеться про запас
Хотели на теченье
Холодной вековой реки,
На лес по оконьму.
Никто не подал мне руки,

Как подают родному.
И я ушел. Пока легки
Пути мои земные!
У замерзающей реки
Желают жить иные.

ДРУГУ

Они при жизни не отстанут.
Но будь, как бог, невозмутим,
Когда глумиться даже станут
Над самым именем твоим.

Завыли псы из-под забора
И воронье над головой
О том, что слово приговора
Несказанное — за тобой!

* * *

Отгуляли, кажется, ребята,
Охаем да чай горячий пьем.
Водочка ни в чем не виновата,
Сами виноватые во всем.

Но зато какие были речи,
Добрые хорошие слова...
А теперь опущенные плечи
И совсем больная голова.

Ни о ком не скажешь, мол, бездельник,
Но никто не сделал ничего.
И не жалко пролетевших денег,
Времени вот жалко своего.

Глупая российская беспечность!
Снова удивили белый свет.
Думаем, у нас в запасе вечность,
Вечности у нас как раз и нет.

Да ее, пожалуй, и не будет...
Потому, заботясь о судьбе,
Нас никто пристрастней не осудит,
Чем мы сами судим о себе.

* * *

При разлуке милая призналась,
Вымолвила тихо у дверей:
«Мне любовь другого представлялась,
Представлялась проще и светлей».

И сказал я, губ ее касаясь:
«Пусть она у нас не так светла,—
· Все же лучше, чем она казалась,
Потому что все-таки была».

* * *

Опять я никуда не годен.
Опять вменяется в грехи,
Что деревенские невзгоды
Переношу в свои стихи.

И снова слышится сквозь ругань,
Мол, ты не в шутку,
А всерьез
Пегасу затяни подпружи
И отведи пахать
В колхоз.

Советы —
Тему взять поуже.

Упреки —
К почему ослеп.
Но урожай стихов не нужен,
Коль урожая нет на хлеб!

Да, да!
Тут все не виноваты,
Но не могу быть ни при чем,
Когда девятый председатель
Меняется в селе моем.

И, не любя законов неба,
К земным законам
Я не слеп.
Стихи должны пропахнуть хлебом,
А после —
И стихами хлеб.

* * *

Обеспокоен я, что в наши годы,
Оставив деревенское жилье,
Уходят в покорители природы
Вчерашие поклонники ее.

Идут на трактора, на бензовозы —
Романтики не в шутку, а всерьез!
Мостить болото — вырубят березы,
В стихи насадят неживых берез.

И без заботы о живой природе
Они погонят дальше трактора...
Романтики, пишите ваши оды,
Но не берите в руки топора!

* * *

H. Кучмиде

Прощайте, утлые дома!
Прощай, болотная обитель!
В края чужие, местный житель,
Поеду занимать ума.

Почтенные профессора
Расскажут мне про все на свете:
О капитале, ренте, смете,
О величавости добра.

От истины отбросят ложь,
Разложат бытие на спектры.
И если завести конспекты,
То несомненно все поймешь.

Но я боюсь, боюсь не зря —
Как много в жизни случай значит! —
Однажды женщина заплачет,
По телефону говоря...

ПИСЬМО БЕЗ АДРЕСА

1

Сначала нужно жить да жить —
И в суете, где все так больно!..
А песни старые сложить
Без нас охотников довольно.

Кому они нужны, стихи,
Когда душа души боится?
У мамы, вон, дела плохи:
Опять, наверное, больница...

Забота на сердце всегда,
А рядом с нею дело, дело...
Когда грохочет мир, тогда
Немеют люди оробело.

2

И все ж они живут, стихи,
Живут, порою с нами ссорясь.
Живут глубинно, как грехи,
Живут извечно, словно совесть.

Кому преподнести, кому,
Тобой увиденное чудо?
Не каждому же по уму
И по душе такое блюдо:

И поздней осени цветок,
И воробей над майской лужей...
Послушай, белый мой листок,
Ложись напротив да послушай!

Приятно было босиком
Ходить по пыльному проселку
И лазать в огород тайком
На нелегальную прополку!

Мне думается — и с другим
Случалось точно же такое...
Поговорить бы надо с ним
Наедине, вот как с тобою.

Листок мой белый, только ты
Сумеешь отыскать другого.
Спаси его от немоты,
Мне близкого и дорогого!

* * *

У каждого свой путь и берег,
Но зря иных
Манит опять
Открытие вторых америк.
Россию надо открывать!

КНИГИ С. В. ЧУХИНА

Горница. Северо-Западное книжное издательство. 1968

Дни покоя. Молодая гвардия. 1973

Дым разлуки. Северо-Западное книжное издательство. 1974

Осенний перелет. Северо-Западное книжное издательство. 1979

Ноль часов. Молодая гвардия. 1980

Стихотворения. Северо-Западное книжное издательство. 1982

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о друге. Виктор Коротаев 3

Из шести книг. 1968—1982

«Работай, друг мой...»	11
«Ах, опять на равнинах безбрежных...»	12
«Приозерная эта дорога...»	13
«Любовь к Руси необъяснима...»	14
«Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой...»	14
«И наша не хуже эпоха...»	15
«Над Ростовом не звенят колокола...»	16
«О милый! Наш миг неповторим...»	17
«Что, ребята горевать...»	17
«Побывали люди на Луне...»	18
«Ах как ласточки ряли в высине...»	19
«По родной земле кочую...»	19
«Стояли в марте холода...»	20
«Свалиянные травы под ногами...»	21
«Прошла машина, тяжело дышла...»	21
«Друзей потянет кочевать...»	22
«Далеко, за темными холмами...»	23
«Благословенны дни покоя...»	23
«Позабыл я дом родной и детство...»	24
«Скорее бы заиндевели окна...»	25
«Пускай со мной душа моя умрет...»	25
«Метелью окна занавешены...»	25
«Как ясно, как чисто, как строго...»	26
«Шуршат сухие ивыяки...»	27
«Половодья лихая путина...»	28
«Мне жалко покидать реку...»	28
«До свиданья, родная сторона!»	29
«Закричали вечерние птицы...»	30
«Она чиста, дороженька лесная!»	30
«Снегу светлому поклоняюсь...»	31
«Не забывай минувшие печали...»	31
«Широкие темные рощи...»	32
«Окно расконопачу в горенке...»	32
«Поле раскисло под ливнями...»	33
«Пришли на память милые грехи...»	34
«Отличная нынче погода...»	34
«Законными хозяевами бора...»	35
«Оттаяли зеленые массивы...»	36
«Кажись, и чудо невелико...»	36
«Нам по душе погожие денечки...»	37
«Ходим за последними грибами...»	37
«Все в памяти стирается...»	38

«Сняет Ясная Поляна...»	38
«На улице, наверно, застывает...»	38
«Поле перемечено стогами...»	39
«Кончилось осенное ненастье...»	40
«Журавлинный клин качается...»	40
«Грузовичок потряхивает славно...»	41
«Звезда протаяла меж облаками...»	41
«Во мглу и дождь погружена округа...»	42
«Ночь онемела здесь, над полем...»	43
«Шоссе районного значенья...»	43
«И вот пришла пора грибная...»	44
«Листья караваны за осенью следом...»	44
«Долга ты, деревенская змай!...»	46
«Открою двери на легкий стук...»	46
«Листья осенняя сопрела...»	47
«Вода затопила кюветы...»	47
«Бессонницы тревожный бред...»	48
«Люблю ночной порой не зажигать огня...»	49
«Николай Иванович, Колюня!...»	49
«Случилась перемена...»	50
«Лежалый снег ползет по крыше...»	51
«Столько грязи опять и осеннего холода столько...»	51
«И снова праздник наш печален...»	52
«Свое дитя как не оберегать!...»	53
«Дочурке сладко спится...»	53
«Выгляжу как белая ворона...»	54
«Луга, что не украшены стогами...»	54
«Сомкну глаза — и, словно наяву...»	55
«Среди зимы, среди мороза...»	56
«Сводим лес и травим наши реки...»	56
«Поют соловушки во мгле...»	57
«Сижу, рыбачу... Только зря...»	57
«Летят листья, легко черкает оземь...»	58
«Ни звезды, ни ясна месяца...»	59
«Покрыты сплавом берега реки...»	60
«Брали ягоду, рыбачили...»	60
«Без заботы жилось, без печали...»	61
«Опять, опять весну припомнин прежнюю!...»	61
«Она давно живет одна...»	62
«Полузабытой дорогой неспешно шагаю...»	62
«Постой же! Погляди сюда...»	63
«Душа, словно птица, пуглива...»	63
«Дрова подсохли на повети...»	64
«Осенняя заря, заря глубокая...»	64
«Да, подошли такие годы...»	65
«Опять, робяя, ухожу под липы...»	66
«Лечу, гонимый ветром и судьбою...»	67
«Привык ничего не бояться...»	67
«За озеро кануло солнце...»	68
«Все увидел: и горе, и негу...»	68
«Уходя последние льдины...»	69
«Сосновый лес без края и конца...»	70
«Подумаю я о покое...»	71
«Бабочка уснула за окном...»	71
«На вокзале рванула гармошка...»	72
«Чудо, с легкостью какою...»	73
«И до скромного юбилея...»	73
«На рыбалке лицо задубело...»	74
«Бросить бы весла — и по теченью...»	74
«Люди вынули зимние рамы...»	75
«Мне тяжело...»	76
«Столько зелени на островах...»	77

«Опять слышны вблизи и вдалеке...»	77
«С утра на льду торчит туулун...»	78
«Проснулся на раннем рассвете...»	78
«Среди разгула и разбоя...»	79
«Вечеровые птихи отпели...»	80
«Полжизни прожил...»	80
«Качнулись под крылом деревья...»	82
«Горька у старика судьбина...»	82
«Давно ли здесь — скажи на милость...»	83
«Лепечет дождь...»	83
«Подвигаюсь к вечному порогу...»	84
«Темна осенняя вода...»	85
«Небес с одной-единой тучкой...»	86
«Сближаем страны и народы...»	87
«И хотел бы в деревню родную...»	88
«В стариинном прионежском городке...»	89
«Ах, милая моя! Да я бы...»	89
«— Начнем, — умоляя я, — сначала!...»	90
«Здесь ты жила. Вот здесь росли цветы...»	91
«От снов о тебе и бессонниц...»	92
«Ушла жена от мужика...»	92
«Породистые — не подышеши слова!...»	93
«На таежной станции цыгане...»	94
«Над рекой слоистые туманы...»	94
«Гармоники разгульно пели...»	95
«Опять взошла, взошла звезда вечерняя...»	96
«Передо мною чистая страница...»	97
«Снова на родбиной стороне...»	98
«Чего я желаю, кроме...»	99
«Дождь полуночный, дождь колыбельный...»	99
«Постою иногда у развернутой карты Союза...»	100
«Стоит июль. Стоит жара...»	101
«Такое дождливое лето...»	101
Художнику Михаилу Брагину	102
«Как морозы землю ни терзали...»	103
«Свежеколотые дрова до чего же ядрено пахнут!...»	104
«Долга зима, да перемыкали...»	105
«Рыбыми были реки...»	105
«Не трати времени без толку...»	107
«Стоит одинокая хата...»	107
«А кто слыхал про Лисью гору?...»	108
«Стужа на душе и непогода...»	109
«Сидим, почесываем темя...»	110
«Посреди семейства и родни...»	110
«Как непогода шумит в вершинах!...»	111
«Родился мальчионка слабым...»	111
«К чему пустые разговоры...»	112
Стихи о Емелях .	113
«Ветер в ивах, ветер на воде...»	113
Романс о светлых ночах .	114
«Ты не думай, что песенка спета...»	115
«Полянка в розовых волнушках...»	115
«Осеневые крупные листы...»	116
«Как он был высокомерен встарь!...»	117
Памяти Н. Рубцова .	118
«Выйду в лес осенний до тумана...»	119
«И перед начальством не робею...»	119
«Минули нас лихие времена...»	120
«Днем солнца нет, а ночью нет луны...»	120
«Дите уснуть не хочет...»	121
«Таблетками накормлен до отвала...»	121
«Судьба ко мне явила милость...»	122

«Уют деревенского кровла...»	122
«И до сих пор не слаб в коленках...»	123
«В лесах разбитые проселки...»	124
«Снова играет полночной вьюга...»	124
«Зачем стихи и прозу ссорить?...»	125
«Средь недописанных строчек...»	126
«Далекие прощальные зарницы...»	126
«Надень-ка валенки и белый полуушалок...»	127
«За воротник росой кропило...»	127
«Никто не умер от письма...»	128
«Замечаяешь, наше лето стало крашее...»	128
«Нарву цветов у старой школы...»	129
«На сходнях старого причала...»	129
«Язык любви, язык цветов...»	130
«Недалекой бедою грозят лиловатые тучи...»	130
«Зима глубокая стояла...»	131
«Эх, покурю-ка, давно не закуривал!...»	132
«Опять вокруг рабочего стола...»	132
«Поредела моя родня...»	133
 Н о в ы е с т и х и	
«Мне забот придумывать не надо...»	137
«Кладбище у церкви Воскресения...»	137
«Год прошел, а я и не заметил...»	138
«Сединя, естественно, на голову...»	139
«Живешь себе спокойно, не спеша...»	139
«Печь развалилась — и живет без печки...»	140
«Желтые листья на черной осенней воде...»	141
«Под Заполярьем сумрачные своды...»	142
«На веревках опустили гроб...»	143
Никольск	144
Деревня	145
Ручей	146
«Не уродилось нынче лето...»	146
«Давно пора сменить жилье...»	147
А дома...	148
Начало зимы	149
Песня рыболова	150
«Приди, метель, свою кудель...»	151
Перепела	152
«В июне том мы жили у старушки...»	152
«В лесу пока смеркается не рано...»	153
Памяти А. Я. Яшина	154
«От пересудов и простуды...»	155
Блок. 1911 год	156
«Столько разных настроений...»	157
Стихи с дороги	157
«В колее проступает водница...»	158
«Господин неизвестны нам пути...»	159
Что сказать?	159
«Не ищи дорог без терний...»	160
«На будущее составляем сметы...»	160
«До полуночных страхов неохочий...»	161
Вечерние стихи	162
«Расставание необходимо...»	163
Зимнее	163
«Подлунный снег и тени на снегу...»	164
«Как на дворе пустыни, чисто, немо!»	165
«На улицу она глядела...»	165
«Тропа раздвинула деревья...»	166
Читая Яшина	166
«Самовар пора подогревать...»	166
«Ты скажи, к кому меня ревнуешь?...»	167
«Махорку, что злее полыни...»	168
«Захочу порой ночью...»	168
«Искажа удачу, колесни по свету...»	169
«Над головою вновь затопали...»	169
«Ночи холодные очень...»	170
Иронические строки	171
«Трактор прет по реке...»	172
«Силой силу убивают...»	172
Пороссята	173
«Ростом дедко с каланчу...»	173
Дочери	174
«Промелькнувшей за окнами станцией...»	175
В больнице	176
«Седая мать его жива...»	176
«А на улице дождь. Он по крыше идет налегке...»	177
«Ты хочешь благодарности людской?...»	177
«Живу в прекрасном городке!...»	177
«По тихим тропам родины моей...»	178
«От костров отпрянувшие тени...»	179
«И корни сосен у реки...»	179
Другу	180
«Отгуляли, кажется, ребята...»	180
«При разлуке милая призналася...»	181
«Опять я никуда не годен...»	181
«Обеспокоен я, что в наши годы...»	182
«Прощайте, утлые дома!...»	183
Письмо без адреса	183
«У каждого свой путь и берег...»	185
Книги С. В. Чухина	186

Сергей Валентинович Чухин
ПРИДОРОЖНЫЕ КАМНИ
Стихи

Рецензент *А. А. Романов*

Редактор *В. К. Лиханова*

Художник *Д. В. Медведев*

Художественный редактор *Д. А. Трубин*

Технический редактор *Н. Н. Гаврилова*

Корректор *Т. А. Крупина*

ИБ № 763

Сдано в набор 24.02.88. Подписано в печать 22.06.88. ГЕ05183. Формат
70×90/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,02. Усл. кр.-отт. 7,166. Уч.-изд. л. 7,84. Тираж 5000 экз.
Заказ 3432. Цена 95 коп.

Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 160000,
Вологда, ул. Урицкого, 2. Областная типография, 160001, Вологда,
ул. Челюскинцев, 3.